Годсгрейв

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
«НЕНОЧЬ»

18+

ДЖЕЙ КРИСТОФФ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ THE NEW YORK TIMES

Хроники Неночи

Джей Кристофф

Годсгрейв

«Издательство АСТ»
2017

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

Кристофф Д.

Годсгрейв / Д. Кристофф — «Издательство АСТ», 2017 — (Хроники Неночи)

ISBN 978-5-17-187284-7

Мия Корвере стала ассасином и обрела свое место среди клинков Матери Священного Убийства, однако ничуть не приблизилась к желанной цели — возмездию. Когда по стране расходится весть о том, что ее смертельные враги появятся в финале грандиозных игр в Годсгрейве, Мия продает себя в коллегию гладиатов — ради возможности прикончить злодеев. Содержит нецензурную лексику.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-187284-7

© Кристофф Д., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Dramatis personae[1] 7
Книга 1 11
Глава 1 11
Глава 2 17
Глава 3 28
Глава 4 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

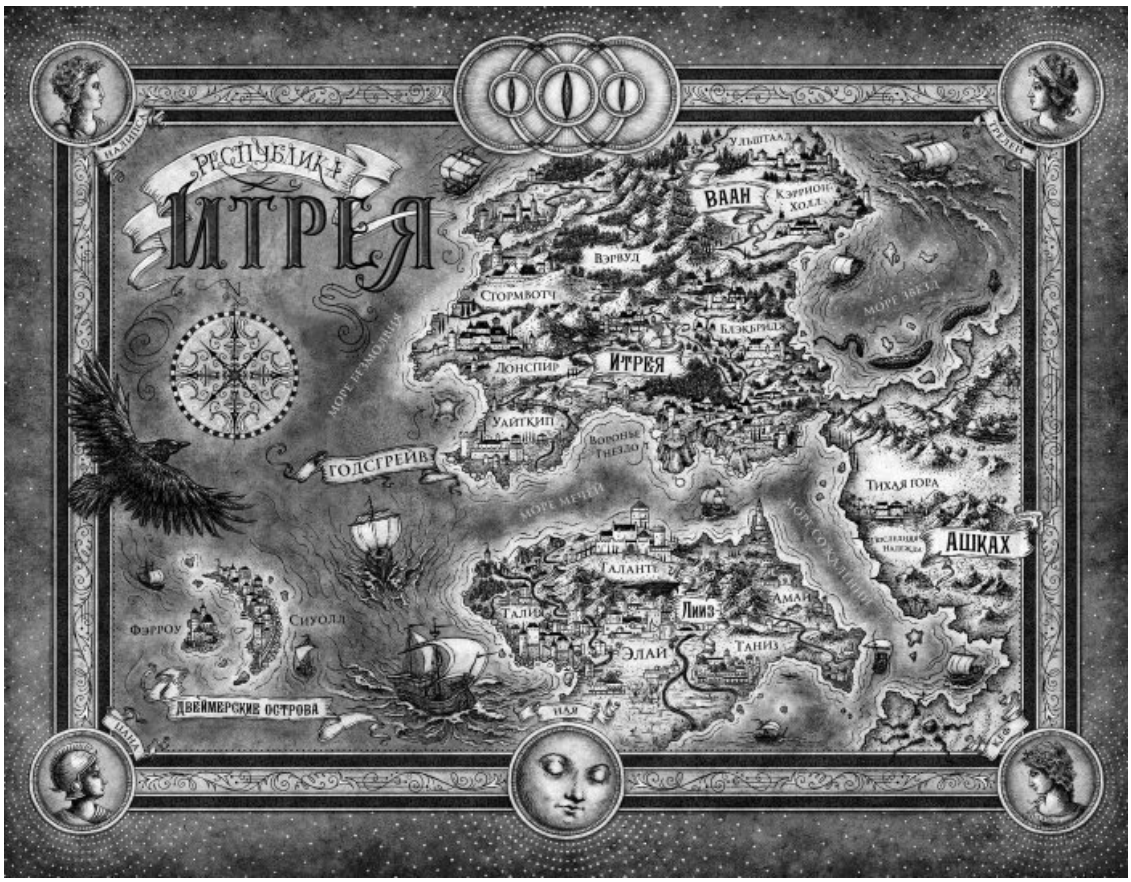
Джей Кристофф
Годсгрейв
Новая редакция

Jay Kristoff
Godsgrave

Copyright © 2017 by Neverafter PTY LTD. All rights reserved
Печатается с разрешения литературных агентств Adams Literary и Andrew Nurnberg
Jacket design by Young Jin Lim
Jacket illustration by Jason Chan
© А. Харченко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моим врагам
Без вас я бы не справился

Доброй вам перемены, дорогие друзья. Рад снова вас видеть.

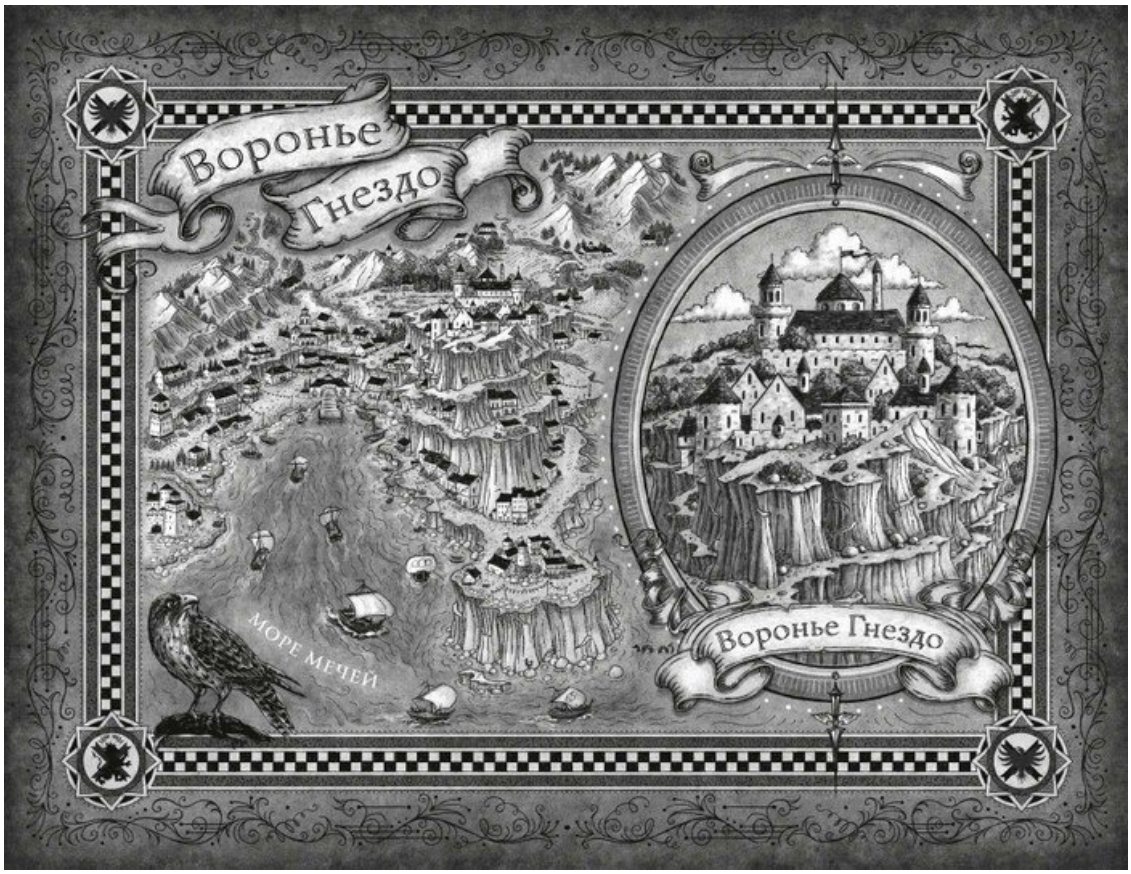
Признаться, я соскучился за время нашей разлуки. И теперь, когда мы снова вместе, я мог бы просто поприветствовать вас улыбкой и позволить погрузиться в историю об убий-

ствах и мести, расцвеченную вспышками изысканно написанной похабщины. Но прежде чем мы вместе скользнем между страниц этой книги, я должен честно вас предупредить.

Память – предательница, врунья и никчемная мошенница. И хоть персонажи нашей драмы, несомненно, навеки оставили отпечаток на вашей психике, порой нам приходится считаться с низшими среди вас, смертных.

Так что, может, освежим память?

Dramatis personae[1]

Мия Корвере – убийца, воровка и героиня нашей истории – если в нашей истории вообще можно назвать кого-то героем. Ее отец, Дарий Корвере, был повешен по приказу итрейского Сената, и, поклявшись отомстить, Мия стала последовательницей самого опасного культа ассасинов в республике – Красной Церкви.

Хотя Мия провалила испытания, ее посвятили в Клинки (читай: в ассасины) после того, как она спасла духовенство Церкви во время атаки люминатов.

Мия наполовину итрейка, наполовину лиизианка. А еще даркин – тот, кто может управлять самой тьмой. Она имеет лишь небольшое представление о своей силе, а единственный даркин, которого она когда-либо встречала, умер прежде, чем смог дать ей желанные ответы.

Трагично, я знаю.

Мистер Добряк – демон, спутник или фамильяр (смотря кто спрашивает), созданный из теней и поглощающий страх Мии. В детстве он спас ей жизнь и утверждает, что почти не ведает о своей истинной природе, но за ним водится привычка врать время от времени.

Он носит кошачье обличье, хотя на самом деле совсем не кот.

Эклипс – еще один демон из теней, принявший облик волчицы. Эклипс была спутником лорда Кассия, бывшего главы Красной Церкви. Когда Кассий погиб во время нападения люминатов, Эклипс последовала за Мией.

[1] В переводе с латыни список действующих лиц *(прим. пер.)*.

Как и большинство собак и кошек, они с Мистером Добряком не ладят.

Старик Меркурио – до поступления Мии в Красную Церковь был ее учителем и доверенным лицом. На протяжении многих лет он и сам служил Клинком, но ныне отошел от дел и живет в Годсгрейве. Старый итреец владеет сувенирной лавкой и работает информационным посредником, а также ищет новобранцев для слуг Черной Матери.

Под тремя солнцами не бывало более ворчливого старого ублюдка.

Трик – аколит Красной Церкви, а также друг и любовник Мии. Трик был наполовину итрейцем, наполовину двеймерцем. Прежде чем Трика успели посвятить в Клинки, Эшлин Ярнхайм несколько раз пронзила ножом его сердце и столкнула юношу с Тихой горы.

Как и было обещано, после его смерти Мия убила дедушку Трика, Мечелома, короля Двеймерских островов.

Что, если задуматься, было не так уж и разумно…

Эшлин Ярнхайм – аколит Красной Церкви и бывшая близкая подруга Мии. Эш родилась в Ваане и является дочерью Торвара Ярнхайма, отставного Клинка. Чтобы отомстить за увечья, полученные им на службе Матери, он и его дети придумали план, который чуть не поставил всю Церковь на колени. Но в конечном итоге Мия раскрыла их заговор.

В процессе Осрик, брат Эш, был убит, но сама девушка сбежала.

Лучше всего чувства Эш к Мие можно описать словом… «сложные».

Наив – Десница (читай: последовательница) Красной Церкви и близкая подруга Мии, которая делает снабженческие вылазки в ашкахскую Пустыню Шепота. Когда-то ткачиха Мариэль, охваченная ревностью, изуродовала Наив, но впоследствии согласилась вернуть ей былую красоту, в знак благодарности Мие за ее помощь в сражении с люминатами.

Наив никогда не забывает и не прощает – одна из причин, по которой они с Мией нашли общий язык.

Друзилла – Достопочтенная Мать Красной Церкви и, невзирая на солидный возраст, одна из самых смертоносных слуг Черной Матери. Во время последнего испытания Друзилла сочла Мию непригодной для роли Клинка, и лишь после вмешательства Кассия, Лорда Клинков, девушку все же посвятили.

Эта женщина, мягко говоря, не самый ярый поклонник Мии.

Солис – шахид песен, учитель Красной Церкви по искусству стали. При их первом спарринге Мия порезала ему лицо. В отместку Солис отсек ей руку.

Как вы можете себе представить, теперь они просто не разлей вода.[2]

Паукогубица – пятикратная претендентка на звание «шахида, который с наибольшей вероятностью убьет своих учеников» и госпожа Зала Истин. Мия была одной из самых перспективных аколитов на ее занятиях, но когда она провалила последнее испытание Друзиллы, благосклонность Паукогубицы полностью испарилась.

Маузер – шахид карманов и мастер грабежа. Очаровательный, остроумный, и так же любит воровать, как носить женское белье. Итреец не испытывает сильной неприязни к Мие, что, по сути, делает его лидером ее фан-клуба.

[2] Да, дорогие друзья, это был сарказм. Признайтесь, вы скучали по мне, не так ли?

Аалея – шахид масок и госпожа секретов. Говорят, в мире есть только две категории людей: те, кто влюблены в Аалею, и те, кто ее еще не встречал.

Кажется, Мия ей даже нравится.

Поразительно, правда?

Мариэль – одна из двух колдунов-альбиносов на службе у Церкви. Мариэль – мастерица древней ашкахской магики кожеплетения и может лепить плоть и мышцы, как если бы те были глиной. За такую силу взымается слишком высокая плата – на ее собственную плоть страшно смотреть, но она ничего не может с этим поделать.

Мариэль ко всем безразлична, кроме своего брата Адоная, к которому, пожалуй, даже слишком небезразлична.

Адонай – второй колдун, который служит в Тихой горе. Он крововещатель, манипулирует кровью людей. Благодаря способностям сестры Адонай не имеет себе равных по красоте.

Стоит, однако, напомнить одну поговорку о содержании книг и их обложках…

Элиус – летописец Тихой горы, поддерживающий хоть какое-то подобие порядка в великой читальне Красной Церкви.

Как и все остальное в библиотеке Наи, Элиус мертв.

Кажется, он испытывает двойственные чувства по этому поводу.

Тишь – бывший аколит, а ныне полноправный Клинок Красной Церкви. Он никогда не разговаривает и общается посредством языка жестов, известного как «безъязыкий».

Итреец помог Мие в одном из испытаний, но твердит, что они не друзья.

Джессамина Грациана – аколит из паствы соучеников Мии, которая не стала Клинком. Она дочь Маркина, итрейского центуриона, повешенного за преданность отцу Мии, Дарию «Царетворцу» Корвере. Джесс винит его, а следовательно, и саму Мию в смерти своего отца – хотя, по правде говоря, у девушек много общего.

Например, желание выпотрошить консула Юлия Скаеву, как свинью.

Юлий Скаева – трижды избранный консул итрейского Сената. Сохраняет за собой должность еще с Восстания Царетворцев, произошедшего шесть лет назад. Обычно этот пост занимают два человека и в течение только одного срока, но, похоже, к Скаеве эти правила не относятся.

Он руководил казнью отца Мии и приговорил ее мать и младшего брата к смерти в Философском Камне. А еще приказал утопить Мию в канале.

Согласен, тот еще мудак.

Франческо Дуомо – великий кардинал Церкви Света и самый могущественный член духовенства Всевидящего. Он выносил приговор мятежникам вместе со Скаевой и Ремом.

Дуомо – правая рука Аа на этой земле. Мия начинает биться в агонии от одного вида реликвии, освященной человеком его веры.

Поэтому прирезать этого сукиного сына довольно проблематично.

Судья Марк Рем – бывший судья легиона люминатов и предводитель атаки на Тихую гору. Во время кульминационного противостояния с Мией Рем отпускал довольно неоднозначные замечания в адрес ее брата Йоннена.

Но прежде чем итреец смог объясниться, Мия его заколола.

Чем он был очень недоволен.

Алинне Корвере – мать Мии. Алинне родилась в Лиизе, но позже заняла видное место среди итрейской знати. Она была гением политики и уважаемой донной с железной волей. После неудавшегося восстания мужа ее и их малолетнего сына заключили в Философский Камень, где она умерла, охваченная горем и безумием.

Да, мне она тоже нравилась.

Дарий «Царетворец» Корвере – отец Мии и бывший судья легиона люминатов. Дарий заключил союз с генералом Гаем Максинием Антонием с целью сделать последнего королем. Вместе два итрейца собрали армию и двинулись с войском в столицу, но обоих схватили накануне битвы. Без лидеров армию быстро разгромили. Воины были распяты, а самого Дария повесили рядом с несостоявшимся королем Антонием.

Так близко, что они почти могли соприкоснуться.

Йоннен Корвере – брат Мии. Несмотря на то, что во время восстания отца он был еще младенцем, Юлий Скаева приказал заточить его в камере вместе с матерью. Мальчик умер прежде, чем Мия успела его спасти.

Аа – Отец Света, также известный как Всевидящий. Три солнца – Саан (Провидец), Саай (Знаток) и Шиих (Наблюдатель) – это его глаза. В небе почти постоянно светит одно или два из них, а посему настоящая ночь, или же истинотьма, наступает всего на одну неделю каждые два с половиной года.

Аа щедрый бог, великодушный к своим подданным и милосердный к врагам. И если вы в это верите, дорогие друзья, то вам все что угодно можно впарить.

Цана – Леди Огня, Та-Кто-Испепеляет-Грехи, Непорочная, покровительница женщин и воинов, первая дочь Аа и Наи.

Кеф – Леди Земли, Та-Кто-Вечно-Дремлет, Очаг, покровительница мечтателей и глупцов, вторая дочь Аа и Наи.

Трелен – Леди Океанов, Та-Кто-Изопьет-Мир, Судьба, покровительница моряков и негодяев, третья дочь Аа и Наи и сестра-близнец Налипсы.

Налипса – Леди Бурь, Та-Кто-Помнит, Милосердная, покровительница целителей и предводителей, четвертая дочь Аа и Наи и сестра-близнец Трелен.

Ная – Мать Ночи, Леди Священного Убийства, также известная как Пасть, сестра и жена Аа. Ная правит той частью потустороннего, что лишена света и зовется Бездной. Изначально они с Аа делили власть над небесами на равных условиях. Ная получила от мужа наказ рожать только дочерей, но впоследствии ослушалась Аа и понесла ему сына. В наказание муж изгнал ее с небес, позволив возвращаться лишь на короткий период времени каждые пару лет.

Вы спросите, что же стало с их сыном?

Как я уже говорил, дорогие друзья, это вы узнаете потом.

Книга 1
Красная клятва

Волк не жалеет ягненка.
Буря не молит утопших о прощении.
Мантра Красной Церкви

Глава 1
Запах

Ничто так не смердит, как труп.

Ему требуется какое-то время, чтобы завонять. О, если вы не успели наложить в штаны перед смертью, велики шансы, что это случится после, – боюсь, так уж устроен человеческий организм. Но я имею в виду не будничную вонь дерьма, дорогие друзья. Я говорю о слезоточивом аромате обыкновенной смерти. Ему требуется пара перемен, чтобы раскочегариться, но, едва он дойдет до нужной кондиции, забыть его уже невозможно.

Прежде чем кожа трупа потемнеет, глаза мертвеца подернутся белой пленкой, а живот его вздуется, словно жуткий воздушный шарик, вы почувствуете этот запах. Приторный, он проскальзывает в горло и крутит вам желудок, словно маслобойка. По правде говоря, мне кажется, он взывает к чему-то первобытному в смертных. К той части разума, что боится темноты. Которая точно *знает,* что кем бы вы ни были, что бы ни делали, однажды черви получат свое, и все, кого вы любите, умрут.

Но все же трупам нужно время, чтобы засмердеть так сильно, чтобы их можно было учуять за милю. Посему, когда Слезопийца уловила терпкий запашок, принесенный ашкахскими ветрами-шептунами, то сразу же поняла, что трупы пролежали там не меньше двух перемен.

И их, видимо, чудовищно много.

Женщина натянула поводья, останавливая верблюда, и показала кулак своей команде. Мехарист в следовавшем за ней фургоне увидел сигнал, и длинная извивающаяся цепочка каравана постепенно замедлилась. Звери плевались, ревели и топали по песку. Жара стояла просто невыносимая, два солнца опаляли небо до ослепительно голубого цвета, а пустыню вокруг – до пульсирующего красного. Слезопийца достала флягу из седла и отпила теплой воды. С ней поравнялся Чезаре, ее правая рука.

– Неприятности? – поинтересовался он.

Слезопийца кивнула на юг.

– Похоже на то.

Как и весь ее народ, двеймерка была высокой – два метра ростом, в каждом сантиметре сплошные мышцы. Кожа у нее была смуглая, лицо украшали замысловатые татуировки, присущие всем жителям Двеймерских островов. Бровь, молочно-белый левый глаз и щеку рассекал длинный шрам. Женщина была одета как мореплавательница: носила треуголку и старый капитанский сюртук. Но бороздила она океаны из песка, а единственной палубой ей служил пол фургона. Много лет назад, после кораблекрушения, погубившего всю ее команду и груз, Слезопийца решила, что Мать Океанов от души ее ненавидит.

С тех пор она путешествовала только по пустыне.

Капитан прикрыла глаза от ярких солнц и, сощурившись, всмотрелась вдаль. Вокруг бесновались ветры-шептуны, от которых волоски на шее вставали дыбом. До Висельных Садов оставалось еще семь перемен, да и работорговцы часто пользовались этим маршрутом даже в

глубоколетье. Однако близился истиносвет, в небе уже пылали два солнца, и двеймерка надеялась, что в пустыне будет слишком жарко для драмы.

Но эту вонь было ни с чем не спутать.

– Доггер! – крикнула она. – Граций, Лука, берите оружие и идите за мной. Пылеход, продолжай играть железную песнь. Если кракены сожрут мою задницу, я вернусь из бездны и сожру *тебя*.

– Да, капитан! – ответил крупный двеймерец.

Он повернулся к приспособлению из железных труб, привинченному к последнему фургону в караване, взял большую трубу и начал молотить по нему, как по непослушному псу. Диссонирующая мелодия железной песни присоединилась к сводящему с ума шепоту, дующему с севера пустыни.

– А как же я? – спросил Чезаре.

Слезопийца улыбнулась своему помощнику.

– Ты слишком симпатичный, чтобы тобой рисковать. Оставайся здесь. Присмотри за товаром.

– Они плохо переносят жару.

Женщина кивнула.

– Полей их водой, пока ждешь. Разреши немного размять ноги. Но далеко не отпускай. Это плохое место для прогулок.

– Да, капитан!

Чезаре слегка приподнял шляпу, а Доггер, Граций и Лука подъехали на верблюдах к Слезопийце. Невзирая на жару, все они были в плотных кожаных безрукавках, а Доггер с Грацием закинули на себя еще и тяжелые арбалеты. Лука вооружился оточенными клинками; как обычно, в уголке его рта дымилась сигарилла. Лиизианцы считали, что стрелы для слабаков, и Лука достаточно хорошо орудовал своими клинками, чтобы Слезопийца не возражала против них. А вот как он мог курить в такой зной, она не могла понять.

– Рты на замок и смотрите в оба, – приказала двеймерка. – Давайте разберемся с этим побыстрее.

Четверка двинулась по каменистой пустоши. С каждой секундой смрад усиливался. Люди Слезопийцы были самыми матерыми мерзавцами, каких только можно найти, но даже сильнейшие из нас рождены с обонянием. Доггер поочередно прижал палец к каждой ноздре и хорошенько высморкался, проклиная Аа и всех четырех дочерей. Лука прикурил новую сигариллу, и Слезопийца испытала соблазн попросить у него затянуться, чтобы перебить запах, и плевать на треклятую жару.

Мили через две они обнаружили обломки.

Караван был небольшой: всего два фургона и четыре верблюда, вздувшихся под солнцами. Двеймерка кивнула своим людям, и те спешились, чтобы осторожно осмотреть место крушения, держа оружие наготове. В воздухе жужжал гимн крошечных крылышек.

Судя по всему, здесь произошла резня. Песок и фургоны усеивали стрелы. Слезопийца увидела брошенный меч. Сломанный щит. Широкие мазки запекшейся крови, напоминавшие каракули безумца, и лихорадочный танец следов вокруг трупов, жарящихся на солнцах.

– Работорговцы, – пробормотала она. – Пару перемен назад.

– Ага, – кивнул Лука, затягиваясь сигариллой. – Похоже на то.

– Капитан, мне бы не помешала помощь, – крикнул Доггер.

Слезопийца обошла мертвых животных, отмахиваясь от стайки мух, и увидела Доггера. Тот держал арбалет, но не целился, его вторая рука поднялась в успокаивающем жесте. И хоть он был из тех людей, кто перерезает глотки, беспокоясь только о том, как бы не запачкать себе ботинки, мужчина говорил ласково, словно с перепуганной кобылой.

– Тише, тише, – ворковал он. – Полегче, милая…

Песок пропитался кровью, бурым пятном выделявшейся на багряном фоне. Слезопийца увидела дюжину насыпей – явный признак недавно выкопанных могил. И, заглянув за плечо Доггеру, узрела, с кем он так мило разговаривает.

– Срань господняя! – пробормотала она. – Вот так зрелище.

Девчонка. Максимум восемнадцать лет. Бледная кожа, покрасневшая от солнц. Длинные черные волосы и косая челка над темными глазами. Лицо все в грязи и засохшей крови. Но двеймерка видела красоту под этой грязью, видела точеные скулы и полные губы. Девушка держала обоюдоострый гладиус со свежими зазубринами. Ее бедра и ребра были обмотаны тряпками в пятнах крови, более давних, чем те, что виднелись на тунике.

– Миленький цветочек, – прокомментировала Слезопийца.

– Н-не приближайтесь, – предупредила девушка.

– Спокойно, – сказала двеймерка. – Тебе больше не нужна сталь, барышня.

– Если позволите, это уж я решу сама, – ответила та дрожащим голосом.

Лука подкрался к ней сбоку и протянул руку. Но девушка быстро, как ртуть, развернувшись, пнула его по колену, и мужчина рухнул на песок. Ахнув, лиизианец обнаружил ее у себя за спиной, гладиус был прижат к суставу между его плечом и шеей. Его сигарилла чуть не выпала из внезапно пересохших губ.

«А она быстрая».

Глаза девушки вспыхнули, и она прорычала Слезопийце:

– Не подходите ко мне, или, клянусь Четырьмя Дочерьми, я его прикончу!

– Доггер, будь хорошим мальчиком, отойди, – скомандовала Слезопийца. – Граций, спрячь свой арбалет. Дайте юной донне немного пространства.

Слезопийца проследила, чтобы ее люди выполнили приказ, и это немного успокоило девушку. Затем двеймерка медленно сделала шаг в ее сторону, подняв руки над головой.

– Мы не желаем тебе зла, цветочек. Я просто торговка, а это – мои люди. Мы направлялись в Висельные Сады, учуяли запах трупов и пришли осмотреться. Это правда. Клянусь Матерью Трелен.

Девушка настороженно наблюдала за капитаном. Лука сморщился, когда ее лезвие царапнуло его по шее, и на гладиусе появились капельки крови.

– Что здесь произошло? – спросила Слезопийца, хотя и так знала ответ.

Девушка покачала головой, на ее глазах выступили слезы.

– Работорговцы? – продолжила двеймерка. – В этой стране их полно.

Губа донны задрожала, и она покрепче ухватила гладиус.

– Ты путешествовала с семьей?

– С от-отцом, – с запинкой ответила та.

Слезопийца окинула девушку изучающим взглядом. Невысокая, худая, но при этом жилистая и ловкая. Она пряталась под фургонами и оторвала кусок брезента, чтобы укрыться от ветров-шептунов. Несмотря на вонь, с места резни не уходила, поскольку там хватало продовольствия, а значит, мозгов ей было не занимать. И хоть ее рука тряслась, она держала клинок так, будто знала, как с ним обращаться. Лука упал на землю быстрее, чем бельишко невесты в брачную ночь.

– Ты не дочь торговца, – заявила капитан.

– Мой отец был наемником. Он охранял караваны из Нууваша.

– И где он сейчас, Цветочек?

– Там, – ответила девушка дрогнувшим голосом. – С ост-остальными.

Слезопийца посмотрела на свежевыкопанные могилы. Может, где-то в метр глубиной. Сухой песок. Пустынная жара. Неудивительно, что место так смердело.

– А работорговцы?

– Их я тоже похоронила.

– И чего ты тут ждешь?

Девушка посмотрела в ту сторону, откуда доносилась железная песнь Пылехода. Так далеко на юге можно было не бояться песчаных кракенов. Но железная песнь подразумевала фургоны, а фургоны подразумевали помощь, и, похоже, оставаться тут с мертвыми не входило в ее планы, даже несмотря на могилу папаши.

– Я могу предложить тебе еду, – сказала Слезопийца. – Могу подвезти до Висельных Садов. И никаких нежелательных домогательств со стороны моих людей. Но тебе придется опустить свой меч, Цветочек. Лука не только наш охранник, но и повар. – Женщина рискнула слегка улыбнуться. – И, как сказал бы мой муж, если бы по-прежнему был среди нас, ты не захочешь, чтобы я готовила тебе ужин.

На ресницах девушки заблестели слезы, когда она вновь взглянула на могилы.

– Мы вырежем ему надгробный камень перед тем, как отчалить, – тихо пообещала Слезопийца.

Тогда слезы пролились, и лицо девушки скривилось, будто ее кто-то ударил. Она позволила клинку упасть на песок. Лука мгновенно подхватил его и, перекатившись, встал на ноги. Девушка застыла, словно перекошенный портрет, на ее лицо упала завеса из слипшихся от крови волос.

Капитан чуть не прониклась к ней сочувствием.

Она медленно пошла по пропитанному кровью песку, окутанная роем мух. И, сняв перчатку, протянула мозолистую руку.

– Меня зовут Слезопийца, – представилась женщина. – Из клана Морепиков.

Девушка протянула ей дрожащую ладонь.

– М…

Слезопийца схватила ее за запястье, развернулась на месте и перекинула через плечо. Девушка с криком рухнула на землю. Двеймерка наступила на нее, но не в полную силу – только чтобы выбить остатки сопротивления из ее легких.

– Доггер, будь хорошим мальчиком и надень на нее кандалы, – приказала капитан. – На ноги и руки.

Мужчина снял оковы с пояса и закрепил их на девушке. Та быстро пришла в себя и начала выть и брыкаться, пока Доггер туже затягивал кандалы. Слезопийца с такой силой наступила ботинком ей на живот, что несчастная закашлялась и сплюнула в грязь. Капитан еще раз хорошенько на нее надавила – для верности, – но так, чтобы не сломать ребра. Девушка свернулась в клубок и издала протяжный стон.

– Поднимите ее, – приказала двеймерка.

Доггер и Граций поставили девушку на ноги. Слезопийца схватила ее за волосы и оттянула ей голову, чтобы взглянуть в глаза.

– Я обещала, что нежелательных домогательств со стороны моих людей не будет, и слово сдержу. Но рыпнешься еще раз, и я причиню тебе боль такими способами, которые ты сочтешь даже более нежелательными. Поняла, Цветочек?

Девушка могла только кивнуть, длинный черный локон прилип к уголку ее губ. Слезопийца подала знак Грацию, и здоровяк потащил девушку вокруг обломков фургона, а затем закинул ее на спину ревущему верблюду. Доггер уже копался в бочках и сундуках, разбросанных в песках. Лука трогал свежий порез и косился на гладиус в песке.

– Еще раз позволишь такой молокососке напасть на себя, – предупредила двеймерка, – и я оставлю тебя на растерзание гребаным пыльным призракам, усек?

– Да, капитан, – пристыженно пробормотал он.

– Помоги Доггеру собрать награбленное. Всю воду – в фургоны. Берите все, что может пригодиться и легко донести. Остальное сожгите.

Слезопийца сплюнула в песок, отмахнулась от мух, вившихся перед зрячим глазом, и направилась по окровавленной пустыне к Грацию. Женщина залезла на верблюда, и, пришпорив животных, они поскакали обратно к каравану.

Чезаре ждал их с унылым видом на месте механиста. Но его лицо слегка прояснилось, когда он заметил девушку, стонущую в полубессознательном состоянии на горбу верблюда Грация.

– Капитан, это для меня? – спросил он. – Ой, да не стоило…

– Работорговцы напали на торговый караван и попытались отхватить больше, чем могли прожевать, – Слезопийца кивнула на девушку. – Выжила только она. Лука и Доггер принесут оттуда воду. Проследи, чтобы ее поровну разделили между товаром.

– Еще один умер от теплового удара, – Чезаре показал пальцем на караван. – Обнаружил его, когда выпустил остальных размяться. В эту ходку мы довезем только четверть нашего товара.

Слезопийца сняла треуголку и провела рукой по влажным от пота волосам. Понаблюдала, как товар шатается вокруг своих клеток – мужчины, женщины и несколько детей – и часто моргает, щурясь от беспощадных солнц. Лишь некоторые из них были закованы – большинство так спеклись от жары, что не смогли бы сбежать, даже если бы было куда. А здесь, в ашкахской Пустыне Шепота, бежать можно только навстречу смерти.

– Не волнуйся, – ответила Слезопийца, кивая на девушку. – Взгляни на нее. Такой трофей покроет все наши расходы, еще и на погулять останется. Одна из Дочерей нам улыбнулась. – Женщина повернулась к Грацию. – Запри ее с женщинами. Пока мы не доедем до Садов, корми ее двойной порцией. Я хочу, чтобы она выглядела свежей на торгах. Притронешься к ней не по делу, и я отрежу твои гребаные пальцы и заставлю их съесть, ясно?

Граций кивнул.

– Да, капитан!

– Возвращай всех в клетки. Мертвого оставь неупокоенным.

Чезаре и Граций принялись выполнять приказ, оставив Слезопийцу наедине со своими мыслями.

Капитан вздохнула. Через пару месяцев взойдет третье солнце. Скорее всего, это ее последняя ходка до окончания истиносвета, а божества будто сговорились поднасрать ей так, чтобы сгубить весь ее бизнес. Всего через неделю после того, как они выехали из Раммахда, вспышка кровотока погубила целый фургон с ее товаром. Юного Циско превратили в фарш, когда он пошел отлить, – вероятно, пыльный призрак, судя по останкам. А эта духота грозила уничтожить весь ее урожай еще до того, как тот попадет на рынок. Все, что ей требуется, это еще несколько перемен с прохладным ветерком. Может, кратковременный дождь. Перед отъездом Слезопийца принесла в жертву здорового молодого теленка на Алтаре Бурь в Нууваше. Но услышала ли ее Леди Налипса?

После кораблекрушения, которое чуть ее не убило, двеймерка поклялась держаться подальше от воды. Переправлять мясо по морю было рискованней, чем по суше. Но она могла поклясться, что Мать Океанов все еще пытается превратить ее жизнь в кошмар, и готова даже подключить к издевательствам свою сестру, Мать Бурь.

Ни дуновения ветерка.

Ни капельки дождя.

Как бы там ни было, этот миленький цветочек пышет здоровьем, а за ее фигурку на рынке много дадут. Найти ее здесь, да еще и не замаранную всем этим дерьмом – истинная удача. С налетчиками, работорговцами и песчаными кракенами ашкахская Пустыня Шепота была неподходящим местом для одинокой девушки. Должно быть, Слезопийце улыбнулась одна из Дочерей, раз она успела найти ее прежде, чем это сделал кто-то другой. Или *что-то* другое.

Небывалое везение. Почти как если бы все это было подстроено заранее…

Девушку затолкали в первый фургон к другим женщинам и детям. Клетка высотой почти в два метра была сделана из ржавого железа. Пол покрывали нечистоты, а вонь потных тел и мерзкого дыхания чуть ли не перебивала вонь от верблюжьих трупов. Здоровяк по имени Граций не отличался учтивостью, но слово капитану держал – не стал домогаться, просто швырнул ее в клетку, захлопнул дверь и провернул ключ.

Девушка свернулась клубком на полу. Почувствовала на себе взгляды женщин, заметила, как с любопытством тянутся шеи мальчиков и девочек. Ребра ныли от пинков, пролитые слезы оставили дорожки на ее чумазых от грязи и крови щеках. Она попыталась успокоиться. Закрыла глаза. И просто дышала.

Наконец она почувствовала, как чьи-то руки осторожно помогают ей сесть. В клетке было людно, но места хватило, чтобы примоститься в уголке, прижавшись спиной к решетке. Она открыла глаза, увидела доброе, молодое и грязное лицо с зелеными глазами.

– Ты говоришь на лиизианском? – спросила женщина.

Девушка молча кивнула.

– Как тебя зовут?

– …Мия, – прошептала она опухшими губами.

– Четыре Дочери, – охнула женщина, приглаживая ее волосы. – Как такая красивая куколка попала в такое место?

Девушка опустила взгляд на свою тень.

Посмотрела в мерцающие зеленые глаза.

– Что ж, – вздохнула она. – В том-то и вопрос, да?

Глава 2
Огненная месса

Четырьмя месяцами ранее

Король Франциско XV, суверенный правитель всея Итреи, занял свое место на краю сцены. Облачен он был в дублет и белоснежные чулки-шоссы, его щеки розовели от румян, в короне сверкали драгоценные камни. Прижав руку к сердцу, он продекламировал:

«Мудро и праведно мое правленье,
Но короля чело – что нищего колени.
Теперь целую грязь и…»

«Нет!» – раздался крик.

С левой стороны сцены появился Старейшина Тиберий, окруженный республиканскими повстанцами. В руке старика блестел серебряный кинжал, его челюсти были крепко сжаты, глаза горели. Не произнеся ни слова, он помчался по сцене и вонзил клинок в грудь монарха один, два, три раза. Зрители ахнули, на отшлифованные доски у их ног брызнула ярко-алая кровь. Король Франциско прижал руку к раненой груди и медленно осел на колени. Издав предсмертный стон (слегка переигранный, как говорили потом), он закрыл глаза и умер.

Старейшина Тиберий поднял вверх кинжал и прочел роковые финальные строки:

«Пролита кровь тирана. Будь что будет.
Друзья, кинжал вонзил ему я в грудь,
Не для себя, но совести в угоду —
Я кровью искупил для всех свободу!»

Тиберий окинул взглядом зрителей, продолжая держать окровавленный клинок в руке. А затем низко поклонился, и на сцену опустился тяжелый бархатный красный занавес. На потолке вспыхнули аркимические люстры, прогоняя тьму, сопровождавшую финальный акт. Забитый до отказа зал, начиная с балконов и заканчивая задними рядами, наполнился звуком аплодисментов. Настигших девушку с длинными иссиня-черными волосами и идеальной бледной кожей, а также тень, достаточно темную для троих.

Мия Корвере присоединилась к рукоплесканиям, хотя на самом деле ее внимание было захвачено вовсе не спектаклем. По затылку прошел холодок и спрятался в тени ее волос. Бархатистый шепот Мистера Добряка раздался в ушах:

– …Это было потрясающе ужасно… – проворчал кот из теней.

Мия поправила плохо сидящую маску и тихо ответила:

– Мне показалось, что куриная кровь – довольно неплохой ход.

– …Ты осознаешь, что нам уже никогда не вернуть эти тридцать минут нашего существования?..

– По крайней мере, они снова включили гребаный свет.

Позволив толпе еще немного поаплодировать, занавес наконец приподнялся и явил целого и невредимого короля Франциско, под промокшей рубашкой которого едва виднелся лопнувший пузырь, содержавший «кровь». Король со своим убийцей, Старейшиной Тиберием, взялись за руки, сжимая между собой подпружиненный кинжал, и низко поклонились.

– Счастливой Огненной мессы, дорогие друзья! – крикнул убитый король.

Актеры покинули сцену, и аплодисменты медленно затихли. Спектакль окончился, и болтовня со смехом возобновились. Мия отпила из бокала и обвела взглядом зал. Теперь, когда люстры вновь загорелись, она могла рассмотреть всех получше.

– Ладно, где же он… – пробормотала девушка.

Мия, как и подобало, прибыла с опозданием, в зале уже было не протолкнуться, и ничего удивительного – званые вечера Алексия Аврелия всегда пользовались популярностью. По окончании спектакля оркестр, расположившийся в позолоченном бельэтаже, заиграл бодрую мелодию. Мия наблюдала за костеродными донами в лощенных сюртуках, танцующими с грациозными доннами – их платья алых, серебряных и золотых оттенков мерцали в аркимическом свете.

Лица гостей прятались под сотнями масок разных форм и тем, от многообразия которых кружилась голова. Мия увидела квадратные вольто, смеющиеся пунчинелло и домино, скрывающие лишь половину лица, расписанные и усыпанные драгоценностями, блестящую слоновую кость и веера из павлиньих перьев. Самыми распространенными мотивами были три солнца Аа и различные обличья прекрасной Цаны. В конце концов, они праздновали Огненную мессу, и большинство хотя бы пыталось почтить Всевидящего и его первую дочь, прежде чем неизбежный гедонизм увеселений развернется в полную силу. [3]

Мия была облачена в кроваво-красное платье с открытыми плечами; слои лиизианского шелка струились, ниспадая на пол. Корсет туго стягивал ее талию, в области декольте гордо красовалось ожерелье из темных рубинов, и хотя они подчеркнули ее достоинства и обеспечили ей восхищенные взгляды, коими девушку одаряли всю неночь, достигнутый эффект не отменял того факта, что она не могла сделать гребаный вдох. Ее лицо скрывала маска Цаны, изображавшая шлем богини-воительницы, с окантовкой из перьев жар-птицы. Из-под нее виднелись губы и подбородок, что позволяло Мие хотя бы пить. И курить. И ругаться.

– Бездна и сраная кровь, где он?! – пробормотала она, жадно разглядывая толпу.

По затылку снова прошел холодок, и Мистер Добряк тихо шепнул ей на ухо:

– …Столики…

Мия посмотрела на стены над танцующими гостями. Бальный зал сенатора Аврелия был построен как амфитеатр со сценой в одном конце, сиденьями, расположенными концентрическими кольцами, и небольшими отдельными столиками, с которых можно было наблюдать за действом внизу. Сквозь дым и длинные занавески из чистого шелка, свисавшие с потолка, она наконец заметила высокого юношу, на котором были белый сюртук и черный галстук. На груди сюртука красовались вышитые золотой нитью две одинаковые лошади с фамильного герба.

– …Гай Аврелий…

Мия подняла к губам мундштук из слоновой кости и задумчиво затянулась. Лицо юноши было наполовину скрыто золотой маской-домино с мотивом Троицы, но она разглядела мужественную линию подбородка и красивую улыбку, пока он что-то шептал на ухо прекрасной донне в стильном платье.

---

[3] Огненная месса – это праздник, знаменующий наступление глубоколетья в итрейском календаре. Посвященный Цане, Леди Огня, он попадает на восьмой месяц до начала истиносвета – самый священный праздник Аа, когда на небо поднимаются все три солнца.Цана – первая дочь Аа, дева-богиня, которая служит покровительницей воинов и женщин. Ее праздник отмечается четырехчасовой мессой, предназначенной для размышлений и целомудренного созерцания. Естественно, большинство жителей республики использует праздник как предлог для того, чтобы надеть маски и устроить шумную пьянку, предаваясь именно тому поведению, которое Цана осуждает. Но с богинями – как с супругами, дорогие друзья, – зачастую легче молить о прощении, чем просить разрешения.

– Похоже, он завел себе подружку, – заметила Мия, и с ее уст сорвалась струйка серого дыма.

– …Ну, он ведь сын сенатора. Вряд ли такой юноша будет проводить неночи в одиночестве…

– Нет, если это будет зависеть от меня. Эклипс, передай Дову, чтобы был начеку. Возможно, нам придется уезжать в спешке.

Из тени под ее платьем раздалось тихое рычание.

– …Дов идиот…

– Тем важнее проследить, чтобы он не считал ворон. А я пока поздороваюсь с нашим уважаемым первенцем сенатора. И с его подругой.

– …Где двое, там третий лишний, Мия… – предупредил Мистер Добряк.

– Верно. Но в толпе тоже можно покуролесить.

Мия выскользнула из своего угла и поплыла к бальному залу, словно кольца дыма, которые сорвались с ее губ. Девушка улыбалась в ответ на комплименты и вежливо отказывалась от приглашений на танец. Беспечно прошла мимо двух стражей в красивых жакетах, стоявших у лестницы, всем своим видом показывая, что здесь ей и место. В конце концов, в зале больше не было ни одного незваного гостя. Ей потребовались пять долгих неночей, чтобы украсть приглашение из дома донны Григорио.[4] А обычай непременно надевать маски на любой праздник, который завели эти костеродные недоумки, помогал ей оставаться неузнанной. К тому же она подчеркнула изгибы своего тела таким образом, чтобы максимально отвлечь внимание от лица.

Мия проверила макияж в зеркале маленькой серебряной косметички и нанесла еще один багровый слой на губы. Затянувшись в последний раз, раздавила сигариллу каблуком и ввалилась через бархатные шторки к столику Аврелия.

– О, прошу прощения, – пролепетала Мия.

Дон Аврелий и его спутница удивленно повернулись. Пара сидела на потертом бархате длинного дивана, на столе перед ними стояли полупустые бокалы и бутылка дорогого ваанианского красного вина. Мия прижала руку к груди в напускном беспокойстве.

– Я думала, что здесь свободно. Пожалуйста, простите.

Юный дон слегка кивнул. Его красивая улыбка потемнела от вина.

– Пустяки, ми донна.

– Вы… – Мия тяжело вздохнула, источая неуверенность. Затем сняла маску и начала обмахивать ею лицо. – Извините, но вы не будете возражать, если я присяду на пару минут? Здесь жарче, чем под истиносветом, а в этом платье страшно тяжело дышать.

Аврелий прошелся взглядом по лицу Мии, больше не скрытом маской. По черным глазам, искусно подведенным сурьмой. По молочно-белой коже и пухлым темно-красным губам, по драгоценному ожерелью и лебединой шее. Мия как бы невзначай поправила корсет, и взгляд дона украдкой скользнул к ее открытой груди.

– Разумеется, ми донна, – улыбнулся он, показывая на свободное место.

– Да благословит вас Аа, – сказала Мия, присаживаясь на бархатный диван и продолжая обмахивать себя маской.

– Позвольте представиться. Я – дон Гай Нирай Аврелий, а моя очаровательная спутница – Аленна Боскони.

---

[4] Три грамма токсина под названием «казус», который Мия подсыпала в чай донны за перемену до того, гарантировали, что костеродная не явится на званый вечер сенатора Аврелия – как правило, взрывные залпы из всех телесных отверстий любому портят настроение перед «междусобойчиком». В обычной ситуации, тем более имея дело с пожилым человеком, Мия использовала бы дозу поменьше. Но за те пять перемен, которые она потратила на изучение палаццо Григорио, старуха успела показать себя первоклассной мегерой, которая только и делала, что кричала на портрет покойного мужа и избивала своих рабов. Так что Мия не особо винила себя, что дала карге слишком большую дозу.Хотя ей и было жаль тех, кому придется за ней убирать.

Пассия Аврелия была лиизианской красоткой примерно того же возраста, что и Мия, – судя по виду, дочь местного администрата. Глаза и волосы темные, кожа оливковая, золото шифонового платья подчеркнуто пудрой на губах и ресницах с металлическим блеском.

– Четыре Дочери, я в восторге от вашего платья! – ахнула Мия. – Это Альбретто?

– У вас зоркий глаз, – ответила Аленна, поднимая бокал. – Мое почтение.

– Я иду к ней на примерку на следующей неделе. Если тетя позволит мне снова выйти из палаццо. Что-то мне подсказывает, что завтра она отправит меня в женский монастырь.

– А кто ваша тетя, ми донна? – поинтересовался Аврелий.

– Донна Григорио. Занудная старая корова. – Мия указала на вино. – Вы позволите?

Аврелий наблюдал со смешинкой в глазах, как она наливает себе бокал и мгновенно его осушает.

– Простите, но я не знал, что у донны есть племянница.

– Чему я совершенно не удивлена, ми дон, – Мия вздохнула. – Я провела в Галанте почти месяц, но она не выпускает меня из палаццо. Пришлось выбираться на сегодняшний вечер тайком. Отец отправил меня к ней на лето, чтобы тетя научила меня, как должна вести себя богобоязненная дочь Аа.

– А вы, значит, ведете себя не должным образом? – Аврелий улыбнулся.

Мия скривила личико.

– Честное слово, он так об этом говорит, будто я как минимум переспала с конюхом.

Аврелий поднес бутылку к бокалу Мии, вытянув шею от любопытства.

– Еще?

– Вы очень щедры, сэр.

Аврелий передал ей полный бокал. Мия одарила его понимающей улыбкой и коснулась запястья юного дона пальцами. Между ними словно прошел аркимический разряд. Аленна подняла бокал к золотым губам, в ее голосе слышалось легкое раздражение:

– У нас мало осталось, Гай, – предупредила она, глядя на бутылку.

Мия посмотрела на девушку и заправила ей за ухо выбившуюся прядку. Страх, который могла нагнать на нее эта встреча, поглотили тени у ее ног. Она плавно и грациозно поднялась со своего места и пересела поближе к позолоченной красавице. Не сводя глаз с Аленны, отпила вина. Оно было насыщенным, бархатно-мягким и приятно пощипывало язык. Затем, забрав у лиизианки пустой бокал, Мия вручила ей свой и, переплетясь с ней пальцами, подняла его к золотым губам.

Взглянула через плечо Аленны на Аврелия, который завороженно наблюдал за их действиями. И, улыбнувшись, прошептала достаточно громко, чтобы было слышно сквозь музыку:

– Я не прочь поделиться.

Аврелий стоял у нее за спиной. Его ладони пропутешествовали по ее обнаженным рукам к груди. Мия почувствовала губы юноши у своего уха, возле скул. Потянулась назад и запустила руки в его волосы. Прижавшись к затвердевшей плоти Аврелия, попыталась найти его губы и ахнула от дорожки пламенных поцелуев, которую он оставил на ее шее, щекоча щетиной кожу. Нащупав шнуровку корсета на спине, он медленно и уверенно потянул за шелковые ленты.

Аленна стояла позади него. Она расстегнула ему жилетку и позволила той упасть на пол. Ее щеки раскраснелись не только от вина, длинные ногти разорвали шелковую рубашку, оголяя торс Аврелия. Мия погладила его по твердой груди, скользнула пальцами ниже, к впадинам и выемкам живота. Юноша ласкал ее шею. Ощутив легкое покусывание, она застонала от удовольствия и вновь попыталась найти его губы. Но тут он взял ее свободной рукой за длинные локоны и оттянул голову назад, назад. Ее кожа покрылась мурашками, когда он снял с нее корсет.

Где-то вдалеке тихо играла музыка, почти не различимая из-за песни их вздохов. Они быстро спустились по лестнице, Аврелий поторапливал Мию с Аленной игривыми шлепками

по попам. Стражи делали вид, что ничего не видят, когда трио проходило мимо. Мия прижалась губами к шее Аврелия, когда тот остановился, чтобы одарить лиизианскую красотку долгим поцелуем. Затем он толкнул Мию к стене и скользнул ладонью между ее ног, начав действовать своими ловкими пальцами прямо там, в коридоре. Они чудом дошли до его комнаты.

Спальни, как было принято в костеродных палаццо, располагались под землей, чтобы владельцы могли в них укрыться от безжалостного света солнц. Воздух здесь был прохладным, аркимический свет – тусклым и дымным. Корсет Мии приземлился на половицы, и Аврелий запустил руки ей в платье. Она ахнула, ощутив их на своей груди, вскрикнула от довольно сильного щипка за набухший сосок. Аврелий снял с нее платье, и оно упало мятой кучкой к ее щиколоткам. Мия потянулась к ремню парня, обнаружила там руку Аленны и переплела свои пальцы с пальцами девушки, пока они вместе пытались расстегнуть пряжку. Аврелий гладил ее по коже, на которой выплясывал аркимический свет, его ладони скользнули ниже по животу – к мягким кудряшкам и ноющей промежности.

Когда его пальцы приступили к делу, Мия застонала, колени у нее подкосились. Она повернула голову и попыталась прильнуть к Аврелию, но он сильнее схватил ее за волосы, заставляя девушку дышать чаще и стонать. Она выгнула спину, зад терся о его пах в том же ритме, в каком итреец вырисовывал на ней круги.

Наконец его ремень поддался, лиизианка одним рывком сорвала все пуговицы со штанов, и пальцы Мии проскользнули внутрь. Спустя секунду она нашла свою цель и улыбнулась, когда Аврелий застонал от ее прикосновений. Рядом пристроилась Аленна, и девушки начали вдвоем поглаживать его по всей длине. Юноша вошел пальцем в Мию, и под ее веками вспыхнули звезды, а ноги стали ватными.

Аврелий повернул голову к Аленне, их языки переплелись в страстном танце. Мия высвободилась из хватки дона и запустила пальцы в его волосы, отчаянно желая поцеловать юношу. Но тут ее кожу начало покалывать. Аврелий отошел в сторону, а к ее плечам и шее прикоснулись теплые губы, вокруг талии обвились теплые руки.

«Не его…»

Пальцы Аленны протанцевали по ее рукам, порхнули к разгоряченной груди. Дыхание Мии участилось, когда девушка медленно повернула ее к себе за подбородок. Она с замирающим сердцем взглянула Аленне в глаза.

Лиизианка выглядела прекрасно: ее пухлые губы приоткрылись, темные глаза блестели от страсти в тусклом свете, грудь часто поднималась и опускалась. Аленна, так и не раздевшись, прижалась к почти нагой Мие. Аврелий целовал шею Аленны, а та убрала длинную черную прядь с щеки Мии. По телу девушки, от макушки до самых кончиков пальцев, прошла волна

[redacted]

– Нет, – Мия быстро отстранилась.

Глаза Аленны помутнели от недоумения, и она оглянулась через плечо на Аврелия. Юный дон вопросительно поднял бровь.

[redacted]

Аленна убрала ладони с лица Мии

[redacted]

Мия вздохнула, по коже вновь побежали мурашки, но внутри нее не было страха.

[redacted]

[redacted]

Аврелий подошел к Аленне со спины и начал ласкать ей шею, одновременно расшнуровывая корсет. Обнажив плечи девушки, юный дон позволил золотому шифоновому платью упасть мерцающей волной на пол, а затем снял с нее и нижнее белье.

Мия поглощала взглядом тело девушки, которая на четвереньках, крадучись словно кошка, ползла к ней по кровати. Аленна замерла над Мией и вздохнула, когда Аврелий опустился на колени позади нее и начал целовать спину и ягодицы. [redacted]

Дыхание Аленны тоже участилось, из горла вырывались стоны, пока Аврелий работал языком между ее ног. Глаза лиизианки горели от вожделения. Она наклонилась ниже,[redacted]

[redacted]

Затем провела рукой по коже Аленны, нашла ладонь юного дона на ее бедре и переплела его пальцы со своими. Лиизианка недовольно вздохнула из-за того, что Мия умыкнула ее приз. Мия посмотрела юноше в глаза. Затаила дыхание.

– Поцелуй меня, – взмолилась девушка.

Аврелий улыбнулся и пополз по матрасу, а Аленна спустилась ниже, оставляя ледяные и огненные поцелуи на шее, груди, животе Мии, облизывая кожу вокруг пупка и ямочки по бокам. Мия ощутила нежное покусывание на внутренней стороне бедер, руки, блуждающие по ее телу. Тихо всхлипнула, когда Аленна легонько на нее подула, находясь всего в сантиметре от самого сокровенного места. Одну руку Мия подняла вверх, а другую опустила вниз, вцепившись пальцами в волосы Аленны. Затем с мольбой притянула юношу к себе. И тогда Аврелий наконец поцеловал ее в губы, приглушив гортанный стон от первого прикосновения языка красавицы.

Они трудились в дуэте и ублажали Мию, пока она извивалась на мехах. Между ее ног пробудился такой жар, какого она еще не испытывала; Аленна ласкала ее так, как еще не удавалось ни одному мужчине. Спина Мии выгнулась, пальцы в волосах девушки сжались. Она чувствовала солоновато-сладкий вкус Аленны на языке Аврелия. Мия пылко поцеловала его, впиваясь в губы так сильно, чтобы поцарапать кожу, и багряная помада смешалась с кровью на их устах. Ее губы заглушили вскрик боли, который издал юноша, ее язык дразнил, покусывал, танцевал в блеклом подобии того, что творила лиизианка между ее ног.

Время будто замерло, мир остановился. Оторвавшись от губ Мии, юный дон оставил дорожку из окровавленных поцелуев на ее шее. Мия стонала, пока он, опустившись ниже, лизал, всасывал и кусал ее. Аленна заработала с еще большим пылом, лаская языком пульсирующий клитор, и Мия с трепетом закрыла глаза.

Аврелий поднял голову.

По нему прошла быстрая волна дрожи.

С губ сорвался тихий стон.

Послышался хриплый вдох, и юного дона вырвало густой алой кровью прямо на грудь Мии.

– Ч-четыре Дочери…

Аврелий в ужасе наблюдал, как по коже Мии и его рукам растекается багровая жидкость. Мия приподнялась на локтях, а юноша, царапая горло, завалился навзничь от еще одного приступа кашля. Аленна, чье лицо было забрызгано красными каплями, наконец осознала, что

происходит. Отпрянув, она набрала побольше воздуха, чтобы закричать, но Мия мгновенно преодолела расстояние между ними и сжала ее шею в удушающей хватке.

– Тише-тише, – прошептала она, задевая губами ухо красавицы.

Девушка пыталась вырваться, но Мия была сильнее, жестче. Пара скатилась на пол, в груду одежды, а Аврелий забился в конвульсиях и снова зашелся в кашле. Его ногти впивались в кожу.

– Понимаю, зрелище не из приятных, – прошептала Мия лиизианке. – Но это продлится всего минуту.

– В-вино?..

Ассасин покачала головой.

– Только не в губы, помнишь?

Аленна уставилась на ранку от зубов Мии на губе Аврелия, на красную помаду, размазанную вместе с кровью вокруг его рта. Юный дон плюхнулся на кровать, словно выброшенная на сушу рыба, каждая мышца его тела напряглась, лицо исказилось. Аленна собиралась закричать, когда в изголовье и в изножье кровати появились две тени – силуэты, высеченные из самой тьмы. Мия снова закрыла ей рот, а Мистер Добряк и Эклипс зачарованно наблюдали, как юный дон бьется в агонии, как между его зубами булькает кровь. А затем, широко раскрыв глаза и скривив рот в безмолвном крике, первый и единственный сын сенатора Алексия Аврелия испустил последний вдох.

– Услышь меня, Ная, – прошептала Мия. – Услышь меня, Мать. Эта плоть – твой пир. Эта кровь – твое вино. Эта жизнь, ее конец, мой подарок тебе. Прими его в свои объятия.

Мистер Добряк наклонил голову, наблюдая за смертью юного дона.

Его мурлыканье почти походило на вздох.

Мия изнывала от жажды.

Это худшая часть. Клетка, жара, вонь – все это еще терпимо. Но сколько бы похитители ни давали ей воды, в этой гребаной пустыне ее всегда было недостаточно. Когда Доггер или Граций просовывали через решетку ковш, теплая вода казалась подарком самой Матери. Но от всей этой духоты, пота и давки в фургоне ее губы потрескались, а язык пересох и распух.

Пленники были прижаты друг к другу, как ломтики засоленной в бочке свинины, от вони крутило живот. В первую перемену, проведенную в этом пекле, Мия подумала, что совершила ужасную ошибку.

Подумала. Но не испугалась.

Никогда не отводи взгляд.

Никогда не бойся.

Мия старалась особо не болтать. Не хотела сближаться с остальными пленниками, зная, что их ждет в Висельных Садах. Но наблюдала, как они заботились друг о друге, как пожилая женщина утешала плачущую по маме девочку, как одна девушка отдала свой скудный паек мальчику, которого стошнило ужином прямо на его лохмотья. Эти маленькие проявления доброты говорили о больших сердцах.

Мия гадала, где же она потеряла свое.

«Здесь ему не место, девочка».

Ее похитители были разношерстной командой. Их капитан, Слезопийца, похоже, спала со своим помощником Чезаре, хотя Мия не сомневалась насчет того, кто в этой паре держал в руках бразды власти. Ни одна женщина не смогла бы руководить бандой головорезов и работорговцев в ашкахской пустыне, если бы у нее не было острейших зубок.

Итрейцы, Доггер и Граций, выглядели как типичные ублюдки, какие найдутся в любой из сотен действующих за пределами Ашкаха группировок, торгующих мясом. Как и наказывала капитан, женщин они не трогали. Но, судя по их голодным взглядам на Мию, были очень этим

недовольны. На досуге мужчины играли в «шлепок» потрепанной колодой карт, ставя на кон горстку тусклых бедняков.[5]

Крупный двеймерец, Пылеход, казался более обходительным. Он умел играть на флейте и в свободное от работы время развлекал пленников какой-нибудь мелодией. Еще одним членом команды был Лука – юный лиизианец, которого Мия окунула в грязь. Короткие волосы и ямочки на щеках. Помои, которые он стряпал, на вкус были хуже свинячьего дерьма, но Мия заметила, что он тайком кладет детям добавочные ломтики хлеба на ужин.

Вот и все. Шесть работорговцев и запертая железная решетка между ней и свободой, ради которой любой из этих заключенных готов был убить. Весь этот пот и рвота. Дерьмо и кровь. Как минимум половина женщин в ее фургоне плакали перед тем, как уснуть на пару часов. Но не Мия Корвере.

Девушка сидела у выхода из клетки и ждала. Кривая челка лезла в темные глаза. От запаха пота и грязи некуда было деваться, скопление тел со всех сторон вызывало тошноту. Но она сглатывала желчь вместе с гордостью, ходила отлить по команде и держала рот на замке. А если тень под ней и выглядела чересчур темной – по крайней мере, для нее одной – то внутри фургона все равно было слишком сумрачно, чтобы это заметить.

До Висельных Садов оставалось еще четыре перемены. Четыре перемены в этой жуткой духоте, безбожной вони и в непрерывной, тошнотворной качке. Еще четыре перемены.

«Терпение, – шептала она себе, словно молитву. – Если у Отмщения есть мать, то имя ей Терпение».

До конца неночи было еще около часа. Караван остановился у обочины длинной пыльной дороги. Выглянув через дырку в брезенте, Мия увидела ряд песчаных утесов, откидывавших тень на песок. Слишком очевидное – а следовательно, опасное – место для укрытия, но лучше остановиться в тени, чем ехать еще час и провести всю перемену под палящими солнцами.

Мия услышала, как Пылеход в фургоне с продовольствием, по своему обыкновению, завел железную песнь, чтобы спугнуть песчаных кракенов, которые рискнули забрести так далеко на юг.[6] Мельком увидела Грация, который исследовал каменистую местность верхом на своем ревущем говнораспылителе. С его лица стекали капельки пота, пока он, сощурившись, смотрел на солнца и проклинал Всевидящего ублюдка.

Первая стрела попала ему прямо в грудь.

Она прилетела с солнечной стороны и со стуком пронзила его безрукавку. На лице Грация появилось неуместное глуповатое выражение, но следующие две стрелы, выпущенные со скал, его стерли и сбили с верблюда мужчину, испустившего фонтанчик алых брызг.

– Налетчики! – взревела Слезопийца.

Женщины в фургоне Мии закричали, на караван посыпался град стрел, взрезая брезент. Мия услышала громкие вздохи, почувствовала шевеление тел позади себя. Одна из пленниц, юная девушка, упала на пол со стрелой в глазу. Какого-то малыша ранило в ногу, и он взвыл. Масса тел вокруг Мии вздыбилась, как море во время бури, и прижала ее к решетке.

– Бездна и кровь…

---

[5] Как вы помните, дорогие друзья, итрейские монеты названы в честь тех, у кого они чаще всего водятся. Медяки называются «бедняками». Сребреники – «священниками». И в зависимости от социального положения того, у кого вы спросите, золотые монеты нарекут либо «мудаками», либо «вали отсюда, грязный плебей, пока мои люди не оторвали тебе гребаные ноги».

[6] Как правило, хищники ашкахской пустоши не забираются дальше Великой Соли, а самые крупные песчаные кракены водятся только в глубинах Пустыни Шепота. Иногда мелкие экземпляры заплывают на юг, если им не хватает еды, но в последние годы несколько предприимчивых группировок, орудующих на юге Ашкаха, принялись отлавливать этих заблудших кракенов и продавать их для зрелищных поединков, которые проводят на грандиозных играх «Венатус Магни», устраиваемых в честь Аа во время праздника истиносвета.Организаторы постоянно ищут новые способы превзойти предыдущие игры (и увеличить посещаемость), а если зрелище того, как любимый гладиат будет сражаться с ужасом Пустыни Шепота, не заставит зрителей притащить свои задницы на арену, то уже почти ничего не заставит, дорогие друзья.

Послышался топот копыт, шум перьевого ливня. Где-то вдалеке стенал от боли Пылеход, Слезопийца выкрикивала приказы. Рев раненых верблюдов перекрывал звон стали и шипение песков. Мия снова выругалась, когда ее ткнули лицом в прутья; пленников охватила паника.

– Так, да пошло оно все в задницу, – сплюнула она.

Потянувшись к сапогу, Мия провернула каблук и достала свои верные отмычки. Спустя секунду она освободилась от оков и просунула руки между ржавыми прутьями. Девушка принялась умасливать замок, высунув язык от усердия. В сантиметре над ее головой пролетела стрела, еще одна вонзилась в дерево рядом с рукой.

– …Возможно, тебе стоит поторопиться…

Шепот был тихим, как дыханье младенца, и предназначался только для ее ушей.

– Ты не особо помогаешь, – прошептала Мия в ответ.

– …Я оказываю моральную поддержку…

– Нет, ты ведешь себя как надоедливый говнюк.

– …И это тоже…

Замок открылся в ее руке, и Мия ногой отбросила дверь в сторону, выпрыгнула на палящий свет и залезла под фургон. Остальные женщины, осознав, что клетка уже не заперта, давя друг друга, ринулись на свободу.

Мия насчитала с полдюжины налетчиков, окруживших караван. Они были обоих полов и разных оттенков кожи, носили одеяния из темной кожи и ткани песчаного цвета. Из трупа Чезаре торчало множество стрел с черным оперением. Мия не видела Луки, а вот Доггер прятался за кормовым фургоном; рядом с ним лежало тело мертвого Пылехода. Верблюда Слезопийцы ранили в шею, и капитан с арбалетом в руке укрылась за его тушей.

– Вонючие сукины дети! – прорычала она. – Да вы хоть знаете, кто я?

Всадники только посмеялись в ответ. Они продолжали наматывать непрерывные круги, загоняя сбежавших женщин обратно к фургонам и сея панику среди пленников в других клетках.

– Это отвлекающий маневр, – догадалась Мия.

– …Отвлекающий от чего?..

Доггер высунулся из укрытия и быстро выстрелил из арбалета. Откуда-то между скал вылетела стрела и попала ему в грудь. Мужчина упал, на его губах выступили алые пузырьки.

– От стрелка наверху, – пробормотала Мия.

Девушка схватила тени под фургоном и собрала их, как швея, затягивающая нить. В пустыне было так ярко, так не похоже на недра Тихой горы. Но мало-помалу она сшила лоскутки теней в единый кусок, превратив их в плащ. А под ним Мия стала не больше пятнышка – грязный отпечаток на портрете мира.

Разумеется, под этим плащом она ни черта не видела. Мия всегда считала, что Богиня Ночи поступила жестоко, подарив ей невидимость, которая при этом лишает ее зрения. Однако лучше быть незрячей, чем зарезанной.

Мия подкралась ближе к колесу, двигаясь наощупь и готовясь выбежать из укрытия.

– …Постарайся не попасть под стрелу…

– Отличный совет, Мистер Добряк. Премного благодарна.

– …Как я и говорил, моральная поддержка…

Девушка взялась за дело. Низко присела, вытянула руки перед собой и направилась к утесам впереди. Весь мир превратился в размытые кофейно-черные и молочно-белые пятна. Вдруг из ниоткуда возникли темные очертания лошади и наездника. Проезжая мимо, всадник сильно ее толкнул. Мия покачнулась и поплелась вслепую, пока не споткнулась о валуны и укрылась за ними.

– Ай, твою мать! – выругалась она.

– …О, бедное дитя, где болит?..

Она встала, скривившись, и шлепнула себя по заду.

– Поцелуешь, чтобы прошло?

– *…Сперва не помешало бы принять ванну…*

Мия снова кинулась вперед, нащупывая себе путь по скалистому утесу и двигаясь только на звук. Она по-прежнему слышала, как кричит Слезопийца, подстегивая своих, но напрягала слух ради едва уловимого свиста стрел и резкого тренькания тетивы. О, вот и они… и еще раз. Мия поползла вверх и в обход – бесшумная, как очень тихая мышь, которую назначили Мастером тишины в Железной Коллегии.[7]

Еще одна стрела. Еще одно тренькание тетивы. После каждого выстрела Мия слышала тихий шепот и гадала, а один ли там стрелок. Теперь она находилась позади них, спрятавшись за кучкой валунов. И, откинув тени, девушка выглянула из укрытия, чтобы понять, скольких мужчин ей придется убить.

Оказалось, ни одного.

О, несомненно, стрелок там сидел – но не мужчина, а женщина, с коротко стрижеными светлыми волосами и в наряде из серой и пятнисто-коричневой кожи. Каждый раз, когда появлялась возможность выстрелить, она прижимала стрелу к губам, шептала молитву и отпускала ее. Кому бы она ни молилась, похоже, к ней прислушивались – увидев, как Лука мчится к одному из верблюдов, женщина пронзила ему плечо, а затем, когда он пополз обратно к укрытию, еще и голень.

Камень разбил ей череп с первого удара, но Мия стукнула ее еще пару раз по затылку – просто на всякий случай. Женщина осела на землю с гортанным бульканьем, дергая пальцами. Подняв ее лук, Мия натянула тетиву, прицелилась и выстрелила в спину одной из налетчиц внизу.

Женщина подскочила в седле и с криком упала. Ее товарищ это заметил, посмотрел в сторону утеса и тут же свалился с коня со стрелой в горле. Другой налетчик закричал, предупреждая своих: «Берегитесь! Утес! Утес!», и Мия попала ему в бедро и в живот. Из фургона в середине каравана вылетело блестящее отточенное лезвие, чуть не снеся мужчине голову.

Налетчики растерялись: вместе с их лучницей исчез и их план. Слезопийца выстрелила из арбалета и попала в лошадь, скинув ее всадника в песок. Мия убила другого двумя стрелами в грудь. Оставшиеся налетчики подхватили своего товарища, лишившегося коня, и ускакали так быстро, как только могли.

– *…Ты отличный стрелок…*

Мия посмотрела на тень, сидящую на трупе женщины. Она была маленькой, носила обличье кота и облизывала полупрозрачную лапу полупрозрачным языком.

– Благодарю, – поклонилась девушка.

– *…Это был сарказм…* – ответил Мистер Добряк. – *…Ты позволила четверым из них уйти…*

Мия скривилась и показала не-коту костяшки.

– *…И пока мы одни, мне, наверное, стоит воспользоваться этим шансом, чтобы снова указать на сумасбродность твоей затеи…*

– О да, не приведи Дочери пройдет хоть одна перемена без того, чтобы ты не выносил мне мозг по этому поводу.

Мия вытерла окровавленную руку о штаны мертвой женщины и закинула ее колчан со стрелами на плечо. А затем, держа лук в руке, осторожно спустилась по склону к месту бойни вокруг каравана.

---

[7] Возможно, вы помните, что священников Железной Коллегии в раннем возрасте лишают языков, чтобы они не выдали тайн их ордена. Формально никакого «Мастера тишины» не существует – это было просто проявление славословия с моей стороны. Я боялся, что иначе вы не поймете шутку… ладно, неважно.Сволочи.Да что вы вообще понимаете в юморе?

Пленницы по-прежнему жались к своей клетке. Граций, Доггер, Пылеход и Чезаре пали в бою. Лука лежал со стрелами в плече и голени неподалеку от центрального фургона. Мия какое-то время наблюдала, как он пытался встать на ноги, но лишь поднялся на одно колено. Лука не сводил с нее взгляда, ладонью крепче сжимая клинок.

Слезопийцу ранили в ногу. Ее лицо было забрызгано кровью, но руки не дрожали, когда она нацелила арбалет прямо на Мию. Девушка остановилась шагах в сорока от них и подняла лук. Тот был неплохим – из рога и ясеня, с выгравированной на нем молитвой, обращенной к Леди Бурь. С такого расстояния стрела могла бы пронзить даже железный нагрудник.

– Отец хорошо тебя обучил, девочка, – крикнула капитан. – Ты отличный стрелок.

– …*Пф-ф-ф*… – фыркнула ее тень.

Мия пнула тьму у своих ног и шикнула.

– Я не хочу убивать тебя, капитан, – ответила она.

– Что ж, вот так совпадение. Я тоже не хочу подыхать.

Капитан посмотрела на трупы вокруг себя, на разгромленную команду, на стрелу в ноге и дорогу, ведущую в Висельные Сады.

– Полагаю, теперь мы в расчете, – крикнула она. – Я планировала получить за тебя кругленькую сумму на рынке, но спасение моей жизни – тоже достойная плата. Как насчет того чтобы проехать со мной остаток пути до Садов, охраняя наш караван? А я выделю тебе долю от прибыли. Двадцать процентов?

Мия покачала головой.

– Этого я тоже не хочу.

– Ну, тогда *чего* ты хочешь? – прорычала Слезопийца, не сводя глаз с лука Мии. – У тебя на руках приличные карты, барышня. Как мы сыграем эту партию – зависит только от тебя.

Мия взглянула на других женщин, теснящихся у фургона. Грязные, измученные, одетые в какие-то тряпки. В кроваво-алых песках тянулась пыльная дорога, и она прекрасно знала, какая судьба их ожидает в конце.

– Я хочу обратно в клетку, – ответила Мия.

Слезопийца удивленно заморгала.

– Но ты только что освободилась…

– Я выбрала тебя не случайно, капитан. Твоя репутация всем известна. Ты не разрешаешь своим людям портить товар. И ты ведешь дела со Львами Леонида, не так ли?

– Леонида? – в голосе капитана послышались нотки раздражения. – Хер господний, да какое ко всему этому имеет отношение манеж гладиатов?!

– Видишь ли, в чем штука…

Девушка опустила лук и слабо улыбнулась.

– Я хочу, чтобы ты продала меня им.

Глава 3
Тени

Мия лежала на полу голая, в крови, и держала Аленну. Из зала наверху по-прежнему едва слышно доносилась музыка, никто из гостей сенатора не подозревал, что его единственного сына убили прямо у них под носом. Мистер Добряк сидел в изголовье кровати и не сводил взгляда с трупа юного дона. Эклипс облизнулась полупрозрачным языком, от вздоха тенистой волчицы завибрировали половицы.

Девушка в руках Мии вздрогнула при виде спутников.

– Милая, сейчас я уберу ладонь, – прошептала Мия. – Я не причиню тебе никакого вреда. Всего лишь свяжу, затем оденусь и выскользну на солнечный свет. Больше ты меня никогда не увидишь. Такой вариант тебе подходит?

Аленна лихорадочно закивала, смаргивая слезы с глаз.

Ласковый голос Эклипс будто доносился из-под пола:

– …Это глупо…

– …А ты у нас эксперт по глупостям, песик… – процедил Мистер Добряк.

– …Лучше от нее избавиться. У нас нет причин оставлять ее в живых…

– И нет причин ее устранять, – возразила Мия. – Разве что мне за это заплатят. И вообще, разве один из вас не должен дежурить в коридоре на случай, если кто-то из стражей решит спуститься?

– …Я дежурил в прошлый раз, когда ты прикончила того магистрата…

– …Лжец, я все время стояла на стреме, пока ты хряпал, как свинья у корыта…

– …И откуда тебе это знать, если ты все время стояла на стреме?..

– Вы закончили? Мне абсолютно насрать, кто будет сторожить, но одному из вас нужно выметаться отсюда, поскольку кто-то долж…

В дверь тихо постучали. За ней послышался басовитый голос:

– Ми дон?

Мия выругалась себе под нос и крепче сдавила горло Аленны.

– Ми дон, – раздался второй голос. – Сенатор требует вашего присутствия.

«Стража, судя по всему. Как минимум двое…»

***– …Это была твоя очередь…** – яростно прошептала Эклипс.*

– …Лживая дворн…

Мия шикнула на них, ее мозг лихорадочно заработал. Со стражей снаружи ее план уйти незамеченной сгорел синим пламенем. Дов ждал в карете наверху, но и внизу от него не было бы никакого проку. Мия с легкостью надрала бы стражникам зад, но она была голая, безоружная, и шум только привлек бы других. Тени в подвальных помещениях глубоки, но в спальнях – ни одного окна, через которое она смогла бы выбраться…

Мия ахнула: Аленна врезала ей локтем в ребра и, грязно выругавшись, боднула затылком по носу. Хватка девушки на секунду ослабла, и, набрав побольше воздуха, лиизианка истошно завопила. Ладонь ассасина лишь слегка приглушила ее.

– Убийцы! – кричала она. – Помогите!

Мия ударила ее кулаком в висок – один раз, два, пока Аленна не лишилась чувств. Затем услышала ругань, и в дверь врезалось что-то тяжелое.

– Ми дон? – позвал один из стражей. – Откройте!

– …Это была твоя очередь…

– …Врешь…

– Да заткнитесь вы!

Как только Мия натянула платье на голову, дверь задрожала на петлях. Прощупав брошенный корсет, она достала стилет из могильной кости. Ворона на рукояти осуждающе смотрела своими блестящими янтарными глазами. И, потянувшись к теням вокруг, девушка накинула их на себя, окуная весь мир в черноту и полностью под ней исчезая.

Дверь распахнулась, в просвете возникли два размытых силуэта. Один выкрикивал имя Аврелия, направляясь, как надеялась Мия, в сторону кровати. Другой увидел обнаженную, забрызганную кровью лиизианку на полу и присел рядом с ней. И поскольку путь к двери был свободен, Мия откинула плащ из теней и побежала.

Стражи рявкнули, приказывая ей остановиться, но девушка, не обращая внимания, мчалась по устланному ковром коридору к широкой лестнице. Наверху появились еще два стражника, недоуменно глядя на окровавленную незнакомку, бегущую по ступенькам на всех парах. Один поднял руку, чтобы остановить ее, но тут в воздухе сверкнул стилет Миа и молниеносно погрузился в его живот. Мужчина ахнул и скатился по лестнице, а его напарник издал боевой клич и достал короткий меч. Мия прыгнула в сторону, ойкнула, когда клинок стража глубоко вонзился ей в плечо, и со свистом перерезала ему глотку.

Мужчина рухнул, издавая булькающие звуки, а Мия поспешила дальше – вверх по лестнице на первый этаж. Когда девушка ворвалась в главный зал, костеродные доны и донны испуганно закричали – окровавленный кинжал в руке, темные волосы, лезущие в еще более темные глаза, свирепо расширенные зрачки.

– Простите, ми донна, – бросила она, налетев на какую-то симпатичную девушку, пока перебегала через зал.

В помещение ворвалась стража, не до конца понимая, кого и за что они должны схватить. На вершине лестницы появились стражники из спальни Аврелия, рассматривая сбитых с толку гостей. Наконец они заметили Мию, проталкивающуюся через толпу.

– Ловите ее! – взревел один. – Девушку в красном!

– Ассасин! – крикнул другой. – Сын сенатора убит!

Зал погрузился в хаос, некоторые побежали вслед за Мией, другие обогнали ее на пути к выходу. Она порезала от бедра до паха какого-то богатого администрата, попытавшегося ее поймать; ударила локтем в лицо другого благородного мужа, который тут же потерял сознание. Клинок в руке и выражение в ее глазах заставили остальных «благодетелей» отказаться от вмешательства, и, увернувшись, получив толчок в спину и сделав кувырок, она вылетела через двустворчатые двери в вестибюль. Затем схватила бокал с подноса потрясенного слуги, выпила залпом золотое вино, и швырнула его в мчащегося к ней стража. Тяжелый хрусталь отскочил от его головы, и мужчина распластался на полу.

Мия выбежала через двери во внутренний двор палаццо Аврелия. Позади раздавались крики «Убийца!», по лестнице мчались еще три стражника, в глаза слепили два солнца.

– Вот дерьмо…

У каждого стража был короткий обоюдоострый гладиус и убийственный взгляд. Из ее плеча сочилась кровь, платье промокло. Мие пришлось уйти в защиту; она приклеила подошвы предводителя стражей к его тени на полу, увернулась от их мечей, ударила одного по ногам, и, перекатившись, быстро встала на ноги. Затем ринулась к лошадям и каретам, стоявшим перед палаццо, и разыскала в толпе того, кто был ей нужен.

– Дов! – крикнула Мия.

В толпе поднял голову юноша с короткими темными волосами. Он был одет в простую прямоугольную маску-вольто и наряд слуги. В губах торчала сигарилла. По правой стороне маски стекали три кровавые слезы. Он не слишком походил на Десницу Церкви Матери Свя-

щенного Убийства, но, заслышав второй окрик Мии, он быстро встал на место возницы в карете.

– Все хорошо? – спросил юноша.

– Разве, блядь, похоже, что у меня все хорошо?! – рявкнула Мия, мчась к нему.

Десница окинул взглядом своего раненого Клинка, догоняющих ее стражей. Выплюнув сигариллу, засунул руку в пальто и достал два небольших арбалета. Затем хорошенько прицелился и двумя выстрелами завалил стражей, которые находились ближе всего к Мие.

– Беги! – крикнул он.

– О, что, серьезно?

Рядом с ее ухом что-то просвистело, и Мия догадалась, что прибыло подкрепление с арбалетами. Девушка расталкивала изумленных кучеров, вспышка обжигающей боли сзади дала ей понять, что как минимум один из стражей был неплохим стрелком.

Она споткнулась, выругавшись, упала и разодрала ладони и колени о каменные плиты. Зашипев от боли, Мия быстро поднялась и схватилась за болт, торчащий из ее ягодицы.

– Зубы Пасти, они что, попали тебе прямо в…

– Да стреляй же ты в ответ, гребаный придурок!

Дов снова выстрелил, попал стражнику в шею и пригнулся, чтобы перезарядить арбалет. Над головой Мии пролетел шквал стрел, пронзив двух испуганных возниц и одного особенно раздраженного жеребца. Но, увы, когда Дов снова поднялся с заряженным арбалетом, один из болтов вошел ему в грудь и повалил юношу на крышу кареты в фонтане крови. Мия наблюдала, как ее Десница пытается встать, но его губы окрасились алым, и в конце концов он рухнул с гортанным стоном.

*– …**Я же предупреждала, что он идиот**…*

– …В кои веки я с тобой полностью согласен…

Мия пыталась спрятаться среди беснующихся лошадей и перепуганных кучеров. Она понимала, что не сможет управлять каретой и бить хлыстом одновременно – ее рука была разодрана до мяса, – а стражники Аврелия очень скоро до нее доберутся.

В воздухе блеснул стилет из могильной кости, разрезая кожаные ремни на высоком белом коне. Скривившись от боли, девушка залезла ему на спину.

– …Ты что, забыла, как тебя ненавидят лошади?..

– Похоже на то.

*– …**Скачи!**..*

Мия пришпорила коня, и тот поскакал вперед, его копыта поднимали брызги гравия, которым был засыпан сенаторский двор. В спину летел рев стражей, приказывающих ей остановиться.[8] *Мимо головы пролетел ливень арбалетных болтов, задев круп коня, еще один погрузился в его филейную часть. Зверь заржал и попытался скинуть Мию, но та вцепилась в него мертвой хваткой, как тень к ногам хозяина. Жеребец словно ошпаренный вылетел через ворота на широкие улицы города Галанте. Вдалеке звонили колокола, разносясь эхом от десятков соборов, куполов и минаретов. Из-за Огненной мессы площади полнились гуляками, сыплющими проклятьями вслед Мие, пока та мчала на истекающем кровью коне.*

Ассасин оглянулась. За ней гналась полудюжина стражей. Кровь из плеча стекала по спине, намокшее платье липло к коже. От потери крови начала кружиться голова. Красочно выругавшись, Мия сломала пополам арбалетный болт, застрявший в ягодице, и перед глазами все поплыло от боли. Ей нужно было убраться с улиц – в какое-нибудь укромное место, где можно переждать суматоху.

Даже костеродный район Галанте был слишком людным, чтобы и дальше мчаться на всех парах от стражи. Силы коня, подстегнутого страхом, близились к концу, из-за болта,

[8] Небольшое примечание для будущих работников правоохранительных органов: это никогда не срабатывает.

попавшего в его зад, он начал хромать. Мия скользнула с ослабшего зверя в толпу пьяных гуляк. В ушах звенели крики преследователей. Поковыляла по переулку между одним из многочисленных городских соборов и высоченным зданием администратов, свернула в муравейник из улочек и подворотен Галанте. Девушка тяжело дышала, перед глазами все расплывалось, от потери крови дрожали руки – левая полностью онемела. Мистер Добряк шептал ей на ухо, чтобы она не сдавалась. Наконец Мия обнаружила ограду из кованного железа, за которой открывалось целое море надгробий и могил, усеянных зловещими сорняками и яркими цветами.

Некрополь Галанте.

Мия, прихрамывая, пошла между тесными рядами надгробий из мрамора, мшистого гранита и мрачных мавзолеев, полнившихся целыми поколениями костеродной знати. Наконец она нырнула под карниз склепа какого-то богатого ублюдка, о котором все давно забыли. И, потянувшись к теням, сплела их ловкими пальчиками и накинула себе на плечи.

Как обычно, под плащом весь мир почернел. Но Мия все равно услышала стражей Аврелия, когда те добрались до кладбища, громко топая сапогами по каменным плитам. Их капитан рявкнул приказ, и группа рассредоточилась по лабиринту из склепов, крипт и усыпальниц, крики «ассасин!» отбивались от светлого камня.

Но один стражник остался.

Мия плохо его видела сквозь завесу теней, но по смутному силуэту было ясно, что мужчина огромен. Гравий хрустел под его подошвами, пока он медленно разгуливал среди могил и что-то тихо бормотал. Девушка затаила дыхание и повернула голову вбок, когда он подошел ближе к ее укрытию. Ощутила, как по спине стекает теплый ручеек. Ее спутники быстро поглотили вспышку паники, когда Мия поняла, что, несмотря на плащ из теней, ее кровь оставила след и теперь собиралась лужицей у ног.

Стражник направился к склепу, у которого пряталасьМия. Девушка не стала молиться и ждать, что он пройдет мимо, она просто откинула плащ и выпрыгнула со стилетом наготове.

Под формой стражника скрывалась кольчуга, но ее клинок из могильной кости прошел сквозь стальные кольца, как сквозь масло. Кинжал вошел по самую рукоять, но поскольку Мия била вслепую, ее удар пришелся чуть левее сердца. Здоровяк закричал от боли, и следующим ударом она резанула ему по горлу. В лицо брызнуло алая теплая влага, но его трахея уцелела. Страж схватил ее за запястье и нанес сокрушительный удар в челюсть. Мия отлетела к стене склепа, успев царапнуть сомкнувшуюся на ее шее руку, и парочка кубарем полетела на землю.

Мужчина взревел, девушка зарычала, пронзая его клинком снова и снова. Они катились по плитам, Эклипс с Мистером Добряком дружно шептали предупреждения о том, что вернулись другие стражи. Но враг Мии был гигантом, и, несмотря на всю ее подготовку, она была ранена и истекала кровью. А любой, кто верит, что быть вдвое крупнее своего противника – не выгодно, никогда не дрался с человеком, вполовину меньше себя.

Мия услышала топот сапог. Ее лицо скривилось, когда стражник дернул ее за волосы. Клинок наконец нашел его шею, и мужчина упал на землю в пенящихся алых брызгах. Мия с трудом встала, увидела, как приближаются еще четыре стражника.

– …Беги!..

– Куда? – пропыхтела она.

– …Прячься!..

– Где?

– Стой!

Четыре человека, облаченных в ливреи дома сенатора Аврелия, встали полукругом напротив Мии. Она слышала свист вдалеке, топот легионеров, но даже глядя в глаза смерти, оставалась бесстрашной. Девушка окинула испепеляющим взглядом самого высокого страж-

ника и покрутила стилет между пальцами. Подумала о консуле Скаеве и кардинале Дуомо. О своей неотмщенной семье. Но, как правило, сожаления порождаются страхом, а стоя там, в шаге от своей гибели, она не испытывала ни капли страха. Только гнев, что все закончится таким образом.

– Кто умрет первым? – спросила Мия, сердито глядя на стоявших перед ней мужчин.

Самый благоразумный стражник нацелил заряженный арбалет ей в грудь.

– Ты, сука, – сплюнул он.

По телу Мии прошел мрачный холодок. На запятнанной кровью коже выступили мурашки. Высоко над головой светили солнца, но здесь, в некрополе, тени были темными, почти черными. Позади стражей вырос силуэт в плаще с капюшоном, в его руках были зажаты клинки из могильной кости. Неожиданный гость атаковал стража с арбалетом и снес ему голову с плеч. Другие закричали и подняли оружие, но силуэт двигался со скоростью молнии, разя первого, второго, третьего. И не успела Мия моргнуть, как все четверо лежали мертвые в грязи.

– Зубы Пасти, – прошептала она.

Тени у ее ног вздрогнули, Эклипс с рычанием подобралась. Мистер Добряк, сидевший на плече Мии, вздыбил шерстку и зашипел. Мию пробрал холод до самых костей, спутники рьяно поглощали ее страх. Спаситель повернулся к ней лицом.

Не человек. Это было ясно. О, под этим плащом угадывались очертания мужчины – высокого и широкоплечего. Но его руки… бездна и кровь, руки, сомкнувшиеся на рукоятях клинков, были черными. Сумрачными и полупрозрачными. Пальцы обвивались вокруг рукоятей, как змеи. Мия не видела лица, но в черноте капюшона извивались щупальца, скрывая лик хозяина. И хоть на улице было почти глубоколетье, а в небе пылали два солнца, дыхание существа срывалось белым облачком с губ, и все тело Мии дрожало в ознобе.

– …Кто ты?

– СПРОСИ СЕБЯ, – ответило существо. Голос был гулким, шипящим, со странной вибрацией. – МИЯ КОРВЕРЕ.

Девушка часто заморгала.

– …Ты меня знаешь?

Существо приблизилось, и Мие показалось, будто оно… скользило. Гробницы и стены склепов вокруг них покрылись коркой инея.

– Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ БОЛЬШЕГО, ЧЕМ ЭТО, – ответило оно. – ТВОЯ ПРАВДА ЗАКОПАНА В МОГИЛЕ. И ВСЕ ЖЕ ТЫ ОКРАШИВАЕШЬ СВОИ РУКИ АЛЫМ РАДИ НИХ, КОГДА ДОЛЖНА ОКРАШИВАТЬ НЕБЕСА ЧЕРНЫМ.

– …О, превосходно, человек-загадка…

– ТВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ КАК СОЛНЦА, МИЯ КОРВЕРЕ. ОНО СЛУЖИТ ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОСЛЕПЛЯТЬ ТЕБЯ.

– О чем, ради бездны, ты говоришь?

Мия услышала крики и оглянулась на звук приближающихся шагов.

– НАЙДИ КОРОНУ ЛУНЫ.

Повернувшись обратно, она обнаружила, что существо испарилось, будто его никогда и не было. Ее дыхание по-прежнему висело белым облачком в воздухе, озноб постепенно унимался, в ушах звенело эхо голоса. Она осмотрелась вокруг, обнаружила только трупы и могилы, и задалась вопросом, не привиделось ли ей все это.

– …Мия, они идут…

*– …**Нам нужно уходить**…*

Очередной свист. Топот сапог. Кровь на ее лице и коже. Мия подхватила плащ одного из стражей – тот, который меньше всего испачкался. И, надвинув капюшон на лоб, заковыляла

прочь с некрополя так быстро, как только могла. Затем с трудом перелезла через кованую ограду и исчезла в лабиринте улочек Галанте.

Оставив за собой только трупы.

Висельные Сады Ашкаха не похожи ни на какие другие.

В Годсгрейве широкие сады на крышах Малого Лииза переполняются солнцами-колокольчиками и медовыми розами, перебивающими своими чудесными ароматами суровую вонь от реки Роза. Садовые лабиринты Уайткипа, построенные королем Франциско III в угоду своим любовницам, тянутся на много миль, и чтобы держать их в надлежащем виде, требуется целая армия рабов – даже спустя столетия после свержения монархии. Тернистые башни Элая возвышаются в тридцати метрах над землей и покрыты бритвенно-острыми лозами. Когда те начинают цвести перед глубоколетьем, башни покрываются цветами, которые видно из другой части города. Но ни один сад во всей республике не может сравниться с Висельными Садами Ашкаха, дорогие друзья.

Ни своим величием, ни своим ужасом.

Первым делом Мия почувствовала запах. Он затмил вонь их клетки задолго до прибытия в город. Запах крови, пота и чернейших мук. Она посмотрела на метрополис, поднимающийся над дымкой впереди, и закусила губу. Некоторые дети в фургоне заплакали, и вскоре к ним присоединились юные девушки. Глядя на пункт их назначения, Мия ощутила, как ее тень выросла.

Никогда не бойся.

Висельные Сады были заселены лиизианскими исследователями после падения Ашкахской империи. С тех времен порт вырос в самый большой метрополис на побережье и ныне служил крупнейшим в южных морях рынком топлива, за счет которого билось сердце Итрейской республики.

Рабства.

Городской порт был построен из красного камня и гнездился на берегу естественного залива. В его архитектуре смешивались древнеашкахские руины и изящные шпили и купола в лиизианском стиле, возведенные на развалинах старого города. Вдоль городской стены висели тысячи железных клеток, наполненных сотнями человеческих трупов.

Некоторые висели там десятилетиями, и от них остались только кости. Другие выглядели свежими. Но по жалобным стонам, разносящимся над оживленным метрополисом, Мия поняла, что еще сотни по-прежнему были живы. Брошенные висеть в клетках, пока не погибнут.

Висельные Сады Ашкаха. Их цветы выращены из плоти и костей.[9]

И Мия наконец-то прибыла сюда.

---

[9] История Висельных Садов пропитана кровью. Будучи торговым городом, после восхождения итрейских королей он быстро стал центральным местом продажи человеческого мяса. Изначально порт назывался Юр-Дазисом, что значит «город-крепость» на древнеашкахском, но после бунта, случившегося во время правления Франциско II, город получил новое имя.Поскольку рабский труд был главной опорой королевства, Франциско не мог позволить разгореться мятежу. Когда группа рабов восстала против своих хозяев и захватила Юр-Дазис, король отправил целый легион под командованием печально известного генерала Аттикуса Дио, чтобы подавить бунт. И хоть осажденные повстанцы храбро сражались, в итоге их взяли измором, и они согласились сдаться, если Аттикус пообещает им помилование. Генерал поклялся, что мятежники просто вернутся к рабскому труду.Естественно, Аттикус не сдержал слова. Как только мятежники сложили оружие, тысячи тел были развешены на городских стенах как предупреждение для любого, кто решится восстать. Некоторые из первых виселиц по-прежнему украшают город, а мятежных рабов ждет та же участь, что и во времена монархии, – смерть на стене под палящими солнцами.Франциско был так доволен своим генералом, что переименовал Юр-Дазис в Висельные Сады в его честь.Любопытно, что спустя почти двадцать лет после этого сам Аттикус собирался возглавить восстание против внука Франциско – юного короля Франциско IV. А когда бунт провалился, генерала отвезли в Ашкаx и повесили на стенах того же города, который он освободил два десятилетия тому назад.История, дорогие друзья, не лишена иронии.

Караван въехал через широкие деревянные ворота, жара и смрад усилились. На улицах было людно, гавань полнилась кораблями со всех уголков республики – одни разгружались, другие загружались до отказа товаром для перепродажи. Наступил рыночный сезон, когда работорговцы возвращаются с набегов на ашкахское побережье и дальний восток с трюмами, набитыми свежим мясом. Итрейские легионеры якшались с лиизианскими купцами, воздух наполнялся звоном монет и горя.

Мия почувствовала, как кто-то встал рядом с ней. Повернувшись, увидела тощую женщину с бледным лицом, глядящую на улицы.

– Да поможет нам Всевидящий…

Мия прищуренно взглянула на два солнца в небе.

– Сомневаюсь, что он слушает, – пробормотала она.

Фургон остановился на краю рыночной площади. Слезопийца спрыгнула с сиденья, проковыляла к задней части фургона с женщинами, убрала брезент и показала на Мию.

– Ладно, девочка. Пришло время отправляться в Яму.

Капитан открыла клетку и отошла с арбалетом в руке. Вокруг фургона уже собрались купцы, рассматривая товар внутри и оценивая его стоимость. Наемные головорезы начали высаживать мужчин из крайнего фургона, оковы пленников пели ржавую песнь, пока те спрыгивали на утрамбованную множеством ног землю. Мия вышла из фургона, наблюдая за собравшейся вокруг них толпой.

«Я здесь».

Девушка спрятала улыбку за грязными прядями волос.

«На шаг ближе к цели».

Яму вырыли на другом конце рынка, но Мия услышала ее задолго до того, как увидела. Яростные крики и стоны боли, звон монет и хруст костей. Пока они шли по оживленной площади, Слезопийцу как минимум десяток раз останавливали торговцы, чтобы узнать цену Мии. Девушке требовались все силы, чтобы сохранять самообладание, пока они лапали ее за талию, лезли пощупать зубы своими грязными руками. Но Слезопийца отклонила все предложения, заявляя, что скоро Мию выставят на продажу в Яме. Отказ капитана встречали неверием или разочарованием, один торговец даже заявил, что это «пустая трата хороших сисек». Но Слезопийца твердо стояла на своем, и они продолжили путь.

Яма полностью соответствовала своему названию – выкопанная в земле и выложенная известняком дыра, глубиной в три метра и шириной в пятнадцать. Рядом был устроен большой загон, в нем за ржавыми железными прутьями томились десятки мускулистых рабов. Окружали загон трибуны из известняка, переполненные азартными игроками и шумными букмекерами. А в ярусе, расположенном подальше, Мия заметила более десятка сангил[10], обслуживаемых помощниками и челядью.

Девушка стояла со склоненной головой у железных ворот в Яму. Итрейские легионеры в шлемах с плюмажами осматривали товар очередного работорговца, прежде чем позволить ему войти. Мия прошептала из-под спутанной копны волос:

– Ты видишь Леонида?

– Да, вон, – Слезопийца кивнула в сторону загона. – Тот жирный ублюдок.

– …Они *все* жирные ублюдки.

– Тогда самый жирный из всех.

Мия прищурилась и наконец заметила итрейца, сидевшего под широким зонтом. Несмотря на жару, он был одет в длинный сюртук, а шею его прикрывал туго завязанный пла-

[10] Дословно: «хозяева крови». Хранители человеческих манежей, которые выставляют свой товар на разных аренах гладиатов по всей республике. Популярностью успешный сангила не уступает дражайшему сенатору Итреи, но им не хватает благородной крови, чтобы занять политический пост. Большинство находят утешение в объятиях своих прекрасных наложниц и упиваются слезами до потери сознания, лежа на огромной куче денег.

ток с брошью в виде львиной головы. Лицо мужчины было смуглым, тело – пухлым от многих лет переедания и избытка алкоголя. Рядом с ним сидел еще один итреец, широкоплечий и поджарый, который пристально наблюдал за тем, что происходит в Яме.

– Это Тит, – сказала Слезопийца. – Работает экзекутором, тренирует товар Леонида.

– Я знаю, чем занимается экзекутор, – пробормотала Мия.

– Уверена? Потому что будь я азартной женщиной, поставила бы все до последнего бедняка, что ты не имеешь *ни малейшего* гребаного представления о том, во что ввязываешься.

– Я же говорила, – ответила Мия. – Леонид готовил двух из трех последних чемпионов игр «Венатус Магни». Его подопечные проходят отборочный тур на всех аренах. Он подкупает правильных чиновников и имеет связи с нужными людьми. Если я хочу отвоевать себе свободу, то лучший способ добиться этого – тренироваться под его началом.

– Но *зачем,* девочка? – требовательно спросила Слезопийца. – Ты могла стать свободной еще в пустыне! Бездна, да я позволю тебе уйти прямо *сейчас*! Ты спасла мой зад от тех налетчиков, а я всегда возвращаю долги. Почему, ради Всевидящего, ты хочешь быть гладиатом?

– Я дала клятву, – ответила Мия. – И хочу ее исполнить.

– И какую же клятву можно исполнить в таком месте?

– Красную клятву.

Капитан вздохнула и покачала головой.

– Это безумие.

– …Она умнее, чем кажется…

Шепот донесся из тени под грязными космами Мии – слишком тихий, чтобы Слезопийца услышала. Она сняла треуголку и провела рукой по волосам. Затем покосилась на Мию и вздохнула.

– Такой барышне, как ты, нечего делать в этом бизнесе.

– Поверь, капитан, – ухмыльнулась Мия. – Такую, как я, ты еще не встречала.

Слезопийца выругалась, но слово сдержала – работорговка направилась к легионерам у входа. Двое мужчин кивнули в знак приветствия и удивленно подняли брови, взглянув на тощую кроху, плетущуюся в кандалах следом за ней.

– Потерялись, капитан? – спросил крупный легионер.

– Загон удовольствий в той стороне, – ответил второй, еще крупнее, кивая в сторону залива.

Слезопийца шмыгнула носом и сплюнула в грязь.

– Прочь с дороги, вонючие сукины дети! У меня есть прирожденный боец, которого нужно заложить, и нет времени, чтобы трепаться с вами, если только вы не хотите подкинуть монет.

Тот, что покрупнее, уставился на Мию.

– …Вы собираетесь продать эту глисту сангиле?

Легионеры разразились громким смехом, держась за бока, как плохие актеры в пантомиме. Мия не поднимала головы, а Слезопийца встала нос к носу с первым стражем. Она была одного с ним роста, и глаза женщины смотрели на него в упор.

– Я когда-нибудь продавала здесь шелуху, Пауло? – Она перевела взгляд на другого легионера. – Не рассказывай мне, как надо работать, самоуверенный ушлепок. Я свое дело хорошо знаю, и оно в гребаной Яме.

Солдаты переглянулись, слегка опешив. И, пожав плечами, отошли в сторону, чтобы пропустить Слезопийцу и Мию к загону. Неопрятный мужчина с вощеной дощечкой записал имя капитана, косоглазый юноша вывел синей краской номер Мии на руке и задней части туники.

Она наблюдала за его работой и гадала, откуда он родом, как здесь очутился. Взглянула на татуировку, изображавшую аркимический круг, на его щеке.[11]

Взяв Мию за кандалы, юноша потащил ее к остальным рабам. Она на секунду воспротивилась и посмотрела Слезопийце в уцелевший глаз.

– И еще кое-что, капитан, – тихо сказала девушка.

– Правда, что ли? – та подняла бровь. – Не много ли одолжений у тебя накопилось?

– Ты обязана мне жизнью. Я бы назвала это Самым Большим Одолжением. Однажды я могу потребовать возврата этого долга. И будет мило, если мне не придется просить тебя дважды.

Слезопийца тяжко вздохнула.

– Как я и сказала, девочка, я плачу по долгам.

Удовлетворившись ответом, Мия позволила увести себя и присоединилась к остальному людскому «скоту». Осмотревшись, она поняла, что была всего одной из двух женщин, и вторая была двеймеркой с ладонями размером с тарелку. Та смотрела прямо перед собой на происходящее в Яме и избегала любопытных взглядов товарищей по несчастью.

Все оказалось довольно просто. Торговцы человеческим мясом вроде Слезопийцы бродили по трибунам и пытались втюхать свой товар сангилам. А затем их имуществу по одному вручали деревянный меч и заставляли драться за свою жизнь.

В центре Ямы работала полудюжина профессиональных бойцов, и каждый из них был горой мышц и шрамов. Когда на ринг выпихивали новую жертву, один из бойцов быстро поднимал деревянный меч и рвался снести врагу башку. Зрители делали ставки, толпа выла и кричала, и, если через несколько минут соперник оставался на ногах, сангилам давали возможность поучаствовать в торгах. Тех, кто подавал надежды, быстро разбирали. Тех, кто проигрывал, перепродавали где-то в другом месте в Висельных Садах.

Мия взглянула на сангилу Леонида. Мужчина наблюдал за поединками, как паук за мухой, но в торгах не участвовал. Львы Леонида были лучшими гладиатами в республике, и он проводил шесть месяцев в году, изучая рынки на побережье и выбирая самых достойных. Чтобы назвать его своим домином, Мия должна была его впечатлить.

К счастью, нельзя стать Клинком Красной Церкви, не умея обращаться с мечом.

Регистратор назвал номер Мии. Дверь загона открылась. Косоглазый юноша снял с нее оковы и вручил исцарапанный деревянный гладиус, который, при обычных обстоятельствах, она не стала бы использовать даже в качестве полена для растопки. И, без всяких церемоний, Мию вытолкнули в центр Ямы.

С трибун посыпались насмешки и оскорбления. Вид тощей черноволосой девушки, смиренно стоявшей в центре ринга, похоже, не впечатлил плебеев из толпы, не говоря уже о хозяевах крови.

– Хер господний, это что, шутка? – крикнул кто-то.

В Яму полетели плевки и брань, сангилы со скучающим видом опускали взгляды в свои гроссбухи – если это была шутка, никто из них, очевидно, не счел ее забавной. Один из бойцов посмотрел, подняв бровь, на регистратора, и тот просто кивнул. Мужчина пожал плечами и поднял деревянный меч, направляясь к Мие. Он был двеймерцем – широким, как мост, и со смуглой кожей, блестящей от пота.

---

[11] Рабство в республике – дело крайне систематизированное, и контролирует его целая армия администратов. Рабы бывают трех основных категорий, невольников клеймят аркимическим символом на щеке, указывающим на их положение.Рабы с одним кольцом, рядовые – имущество, используемое в качестве рабочих, домашних слуг, корма для борделей и тому подобного. Два кольца означают, что человек прошел военную подготовку: это гладиаты, личная стража и члены итрейского легиона рабов – печально известной «Кровавой тринадцатки». Люди, отмеченные тремя кругами, – самые редкие и ценные, их клеймо показывает, что они образованы или обладают исключительными навыками: к ним относятся писари, музыканты, мажордомы и высоко котируемые куртизанки. И если вас, дорогие друзья, удивляет, почему в республике так ценятся искусные проститутки, то вы явно никогда не проводили ночь с искусной проституткой.

– Не шевелись, девочка, – прорычал он. – Будет почти не больно.

Мия сделала, как было приказано, не двигаясь с места, пока здоровяк приближался к ней. Но как только он поднял меч, чтобы пробить ей череп, она пришла в движение. Быстрая, как тени.

Девушка уклонилась, меч просвистел над головой. Затем ударила своим деревянным гладиусом по запястью мужчины, сломав тому кость. Несколько сангил подняли головы на его крик. Мия свирепо ударила соперника по колену и была награждена тошнотворным хрустом, который раздался, когда сустав вывернулся в другую сторону. Здоровяк с воем упал, и Мия с намеренной жестокостью воткнула в его горло деревянный клинок, превращая гортань в кашицу.

На губах мужчины выступила алая пена, и он изумленно уставился на Мию. Девушка откинула волосы за спину и тихо прошептала:

– Услышь меня, Ная. Услышь меня, Мать. Эта плоть – твой пир. Эта кровь – твое вино. Эта жизнь, ее конец, мой подарок тебе. Прими его в свои объятия.

И, издав гортанное бульканье, боец рухнул в грязь.

По толпе прошла волна растерянного бормотания. Мия присела в реверансе перед сангилами, словно дебютантка на балу. А затем повернулась к следующему бойцу и указала деревянным мечом на его голову.

– Ты следующий, красавчик.

Боец (который действительно был красавчиком) посмотрел на своих товарищей, на труп на земле и, наконец, на регистратора. Неопрятный мужчина кинул взгляд на сангил, уже полностью сосредоточивших свое внимание на Мие. И, повернувшись к бойцу, кивнул.

Тот вышел вперед, Мия шагнула навстречу. Их бой продлился меньше десяти секунд и закончился в тот момент, когда она оставила след от ботинка в его промежности и погрузила меч ему в горло по самую рукоять. Девушка повернулась к зрителям и снова присела в реверансе.

– Сотня священников! – раздался крик.

– Сто десять!

Мия улыбнулась, прикрывшись волосами, а сангилы начали торги. Уже через несколько секунд ее стоимость возросла до двух сотен сребреников – достойная сумма по всем меркам. Но, подняв взгляд на трибуны, она увидела, что Леонид и Тит не проронили ни слова. Хотя сангила пристально за ней наблюдал, хотя Слезопийца шептала на ухо Титу, и тот медленно кивал, Леонид не поднимал голос, чтобы назвать свою цену.

«Пора раздуть пламя».

Мия достала деревянный клинок из горла мертвого бойца, повернулась к третьему и произнесла достаточно громко, чтобы было слышно на трибунах:

– Ты. Следующий.

Великан посмотрел на два трупа у ее ног.

– Да ну на хер, – фыркнул он.

– Бери своих друзей, – Мия улыбнулась бойцам рядом с ним. – Я всегда мечтала попробовать с тремя сразу.

Она бросила свой меч на землю.

– Или вы все трусы?

Толпа улюлюкала и подначивала их, и мужчины рассердились. Одно дело быть поверженным на собственной территории, и совсем другое – сожрать кучку дерьма, прилетевшую от невооруженной девицы, едва достающей им до пояса. Сверкнув глазами и подняв мечи, бойцы вошли в Яму.

Мрачно улыбнувшись, девушка шагнула им навстречу.

Глава 4
Предложение

– Зубы Пасти, мы что, будем торчать тут до истиносвета?! – прорычала Мия.

Пьетро поднял бровь и вылил немного золотого вина на ее сочащееся кровью плечо. Мия скривилась от боли и затянулась сигариллой, держа ее дрожащей рукой. Она сидела на низкой каменной скамье, Пьетро – позади нее, закутанный в традиционную черную робу. Десница наложил на зад девушки марлевую повязку, которая тут же пропиталась алым, и теперь зашивал кровавую рану на ее плече.

Просторная комната из темного камня тускло освещалась аркимическими сферами. Как и в большинстве помещений Часовни Галанте, в воздухе слабо чувствовалась вонь. Слуги Матери Священного Убийства, проживавшие в Городе портов и церквей[12]*, построили свое укрытие внутри обширной канализационной сети под кожей Галанте, так что от запаха было некуда деваться. За восемь месяцев, что Мия здесь прослужила, она успела к нему привыкнуть, но предпочитала проводить в часовне как можно меньше времени. Если она не нуждалась в медицинской помощи или в пополнении запасов, то приходила сюда лишь для того, чтобы поговорить с…*

– Охренеть не встать, – раздался знакомый голос. – Гляньте-ка, кого к нам нелегкая принесла.

Мия подняла голову и увидела женщину в дверном проеме, одетую в кожаные штаны, высокие сапоги и черную бархатную рубашку. Тонкая, как палка; светло-каштановые волосы подстрижены под мальчика, под глазами пролегают глубокие тени. Ходила она вальяжно, а на теле было спрятано столько ножей, что любой человек в здравом уме не знал бы, что с ними делать.

– Епископ Златоручка, – Мия склонила голову. – Я бы встала и поклонилась, но арбалетный болт в моей заднице против.

– Вижу, у тебя была веселая неночь, – ухмыльнулась женщина.

– Можно и так сказ… ай, твою мать! – Мия сердито оглянулась через плечо. – Бездна и кровь, Пьетро, ты меня штопаешь или платье шьешь?

– Ладно, ладно, проваливай, – сказала Златоручка многострадальному хирургу. – Я закончу за тебя. Мне нужно поговорить с нашим Клинком наедине.

– Епископ. – Пьетро кивнул, не слишком ласково налепил марлю на кровоточащее плечо Миа и покинул комнату.

Златоручка обошла Мию и сняла бинт, прилипший к ране. Девушка снова скривилась.

---

[12] Галанте может похвастаться самым большим количеством церквей и храмов во всей республике, по их численности он превосходит даже Годсгрейв.До того как Великий Объединитель Франциско I завоевал страну, народ Лииза поклонялся священной троице, известной как Отец, Мать и Ребенок. Но после поглощения итрейской монархией поклонение богу Света распространилось среди простого люда так же быстро, как огонь распространяется по хорошо укомплектованной пивоварне.Один хитрый парень, торговец по имени Карлино Гримальди, решил, что лучший способ выделиться при новом мировом порядке – вложить несколько фургонов денег в Церковь Аа. Он построил самый первый собор Аа во всем Лиизе; это высокое здание под названием Базилика Лумина находится прямо в центре Галанте. Возведенное из редкого фиолетового мрамора и украшенное прекрасными витражами, оно чуть не обанкротило своего покровителя. Однако результат был настолько впечатляющим, что кардинал Галанте назначил Гримальди губернатором города. Вскоре местная знать лезла из кожи вон, чтобы выслужиться перед духовенством Аа, и церкви Всевидящего, наряду с храмами Четырех Дочерей, начали появляться в Галанте с той же скоростью, с какой сыпь выступает в промежности проститутки после прибытия флота в город.И хоть впоследствии его распяли за уклонение от уплаты налогов, Карлино все равно вошел в историю Лииза как Исключительно Умный Ублюдок. Даже по сию перемену подлизываться к власть имущим в Лиизе называется «провернуть Гримальди».

В преданиях о Красной Церкви женщина слыла злодейкой – Клинок Матери с большим стажем и двадцатью священными убийствами на своем имени. Старик Меркурио часто рассказывал о ней Мие, когда та была маленькой, и Златоручка стала для нее кем-то вроде кумира.[13] *Начав службу в Городе портов и церквей, Мия узнала, что епископ не отличалась любезностью. И не любила фривольности. Но ей нравились результаты, так что, к счастью, ей нравилась Мия.*

– Похоже, это больно, – пробормотала Златоручка, глядя на жуткую рану на плече Мии.

– Уж точно не щекотно.

Епископ взяла костяную иглу и принялась уверенно зашивать Мию.

– Надеюсь, это того стоило?

Мия поморщилась и глубоко затянулась сигариллой с гвоздичным ароматом.

– Пока мы разговариваем, сыну сенатора Аврелия готовят маску смерти.

– Ты использовала «плач»?

Мия кивнула.

– Нанесла на губы, как вы и предлагали.

– Не стану спрашивать, как ты получила доступ к губам дона.

– Приличные дамы не болтают о своих похождениях.

– А где же юный Дов?

– Увы, – Мия вздохнула, – но мой Десница не вернется на ужин. Никогда.

– Какая жалость.

– Он не был острейшим клинком на стеллаже, епископ.

– Бедному да вору – всякая одежда впору. – Златоручка пронзила кожу иголкой для очередного шва. – С тех пор, как Ярнхайм нас выпотрошила, первоклассные убийцы в дефиците. За исключением присутствующих, разумеется.

Мия закусила губу и вздохнула. Епископ говорила правду – в нынешнее время в Красной Церкви было трудно найти хороших Десниц и Клинков. Галанте никогда не считался престижным городом назначения, и большинство слуг Наи, которых отправляли сюда, мечтали о чем-то более грандиозном. Но после атаки люминатов их дела обстояли хуже, чем когда-либо.

Прошло уже восемь месяцев, но конгрегация Матери Священного Убийства по-прежнему кровоточила от удара, нанесенного Эшлин Ярнхайм и ее братом по распоряжению их отца. Церковь сильно пострадала, и не только из-за того, что лорд Кассий был убит, хотя потеря Черного Принца само по себе достаточно прискорбное событие. Торвар Ярнхайм неспроста отдал своих детей на службу Духовенству люминатов – старый ассасин таким образом выведал и выдал местонахождение всех часовен Красной Церкви в республике.

Посему, пока судья Рем орудовал в Тихой горе, люминаты организовывали подобные нападения по всей Итрее. Часовни в Двейме и Галанте остались нетронутыми.[14] *Но все прочие были уничтожены.*

---

[13] Златоручка начала свою карьеру с воровства на улицах Элая, и, даже став Клинком Матери, она не потеряла сноровку в искусстве быть незаметной. Говорят, что она двигалась как сама тьма, и могла вывихнуть себе оба плеча, чтобы с легкостью протиснуться даже в самые труднодоступные места.Ее самым печально известным подношением был сенатор по имени Фока Мериний – параноик, который так боялся, что его убьют, что, по рассказам, держал у кровати свиту из дюжины охранников даже когда занимался любовью со своей женой.Говорят, что Златоручка, чтобы добраться до Фоки, проползла по канализационной трубе – в лучшем случае шириной в двадцать сантиметров – прямо в уборную виллы и сидела там в засаде, выжидая. Когда в середине неночи бедняга Фока по зову природы отправился в уборную и устроился на сиденье, он обнаружил, что обе его бедренные артерии перерезаны еще до того, как успел начать свои дела.По имеющимся сведениям, следующие семь перемен Златоручка провела в купальне часовни, пытаясь отмыться от запаха.На что мы только не идем ради наших матерей…

[14] Люминаты обошли обе часовни стороной: ту, что в Галанте, построили совсем недавно, и Ярнхаймы о ней не знали, а ту, что в Двейме, перенесли на новое место прошлой зимой, поскольку из-за необычайно сильных ливней и плохих труб ее подвал (а, следовательно, и бассейн с кровью) затопило.Вместо того чтобы снова наполнить бассейн, Духовенство решило построить

Хуже того, Торвар выдал их имена. Псевдонимы. Последние известные места проживания. Из-за предательства бывшего Клинка и атак люминатов всего за одну неночь Мать Священного Убийства потеряла почти три четверти своих ассасинов.

Как и сказала епископ, Красную Церковь выпотрошили; это, наверное, единственная причина, по которой столь юному Клинку, как Мия, доверили такое жертвоприношение, как Гай Аврелий. За восемь месяцев, что она служила в Галанте, девушка прикончила во имя Черной Матери трех мужчин и одну женщину. Большинство Клинков ее возраста были бы рады отправиться хотя бы на свое первое убийство.

новую часовню на более высоком месте в городе Сиуолл и покинуть затопленную в Фэрроу. И если тайное строительство новой часовни Матери Священного Убийства посреди крупного метрополиса кажется вам дорогостоящим и трудоемким удовольствием, задумайтесь о следующем:1. Бассейн каждой Церкви наполнен приблизительно пятьюдесятью семью тысячами литров крови.2. В среднестатистической свинье около четырех литров крови.Посчитайте, дорогие друзья. И спросите себя, хотели бы вы наполнять один из этих проклятых бассейнов дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.